

ПРАВСТВЕННЫЕ ВЕРШИНЫ

ПРАВСТВЕННЫЕ ВЕРШИНЫ

Вот о чем хотелось бы сказать. В «Заметках о русском» и в «Диалогах о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем» я уже обращал внимание на те черты русского характера, на которые в последнее время как-то не принято обращать внимание: доброту, открытость, терпимость, отсутствие национального чванства и прочее. Читатель вправе спросить: а куда же девались в «Заметках» отрицательные черты русского человека? Разве русским свойственны одни только положительные черты, а другие народы их лишены? На последний вопрос читатель при желании найдет ответ в самих «Заметках»: я говорю в них не только о русском народе... А что касается первого вопроса, касающегося русских недостатков, то я вовсе не считаю русский народ их лишенным: напротив, их у него много, но... Можем ли мы характеризовать народ по его недостаткам? Ведь когда пишется история искусств, в нее включаются только высшие достижения, лучшие произведения. По произведениям посредственным или плохим нельзя построить историю живописи или литературы. Если мы хотим получить представление о каком-либо городе, мы ознакомимся прежде всего с его лучшими зданиями, площадями, памятниками, улицами, лучшими видами, «городскими ландшафтами». Иное дело, когда мы знакомимся с отдельными людьми — с медицинской или нравственной их стороны. Мы же подходим к представлениям о народе. Народ как создание искусства: такова моя позиция в «Заметках» в подходе к любому из народов.

О каждом народе следует судить по тем нравственным вершинам и по тем идеалам, которыми он живет. Благожелательность к любому народу, самому малочисленному! Эта позиция самая верная, самая благородная.

Вообще говоря, любая недоброжелательность всегда воздвигает стену непонимания. Благожелательность, напротив, открывает пути правильного понимания.

Самолет не падает на землю не потому, что он крыльями «опирается на воздух», а потому, что он подсасывается кверху, к небу... В народе самое важное — его идеалы.

Публикуется впервые.

О ПАМЯТИ

Память — одно из важнейших свойств бытия, любого бытия: материального, духовного, человеческого...

Лист бумаги. Сожмите его и расправьте. На нем останутся складки, и если вы сожмете его вторично — часть складок ляжет по прежним складкам: бумага «обладает памятью»...

Памятью обладают отдельные растения, камень, на котором остаются следы его происхождения и движения в ледниковый период, стекло, вода и т. д.

На памяти древесины основана точнейшая специальная археологическая дисциплина, произведшая в последнее время переворот в археологических исследованиях, — там, где находят древесину, — дендрохронология («дендрос» по-гречески «дерево»; дендрохронология — наука определять время дерева).

Сложнейшими формами родовой памяти обладают птицы, что позволяет новым поколениям птиц совершать перелеты в нужном направлении к нужному месту. В объяснении этих перелетов недостаточно изучать только «навигационные приемы и способы», которыми пользуются птицы. Важнее всего память, заставляющая их искать зимовья и летовья — всегда одни и те же.

А что и говорить о «генетической памяти» — памяти, заложенной в веках, памяти, переходящей от одного поколения живых существ к следующим.

При этом память вовсе не механична. Это важнейший творческий процесс: именно процесс и именно творческий. Запоминается то, что нужно; путем памяти накапливается добрый опыт, образуется традиция, создаются бытовые навыки, семейные навыки, трудовые навыки, общественные институты...

Память противостоит уничтожающей силе времени. Это свойство памяти чрезвычайно важно.

Принято примитивно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим.

Память — преодоление времени, преодоление смерти.

В этом величайшее нравственное значение памяти. «Беспамятный» — это прежде всего человек неблагодарный, безответственный, а следовательно, и неспособный на добрые, бескорыстные поступки.

Безответственность рождается отсутствием сознания того, что ничто не проходит бесследно. Человек, совершающий недобрый поступок, думает, что поступок этот не сохранится в памяти его личной и в памяти окружающих. Он сам, очевидно, не привык беречь память о прошлом, испытывать чувство благодарности к предкам, к их труду, их заботам и поэтому думает, что и о нем все будет позабыто.

Совесть — это в основном память, к которой присоединяется моральная оценка совершенного. Но если совершенное не сохраняется в памяти, то не может быть и оценки. Без памяти нет совести.

Вот почему так важно воспитываться в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной. Семейные фотографии — это одно из важнейших «наглядных пособий» морального воспитания детей, да и взрослых. Уважение к труду наших предков, к их трудовым традициям, к их орудиям труда, к их обычаям, к их песням и развлечениям. Все это дорого нам. Да и просто уважение к могилам предков. Вспомните у Пушкина:

Два чувства дивно близки нам
В них обретает сердце пищу
Любовь к родному пеленищу,
Любовь к отеческим гробам,
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва.

Поэзия Пушкина мудра. Каждое слово в его стихах требует раздумий. Наше сознание не сразу может свыкнуться с мыслью о том, что земля была бы мертва без

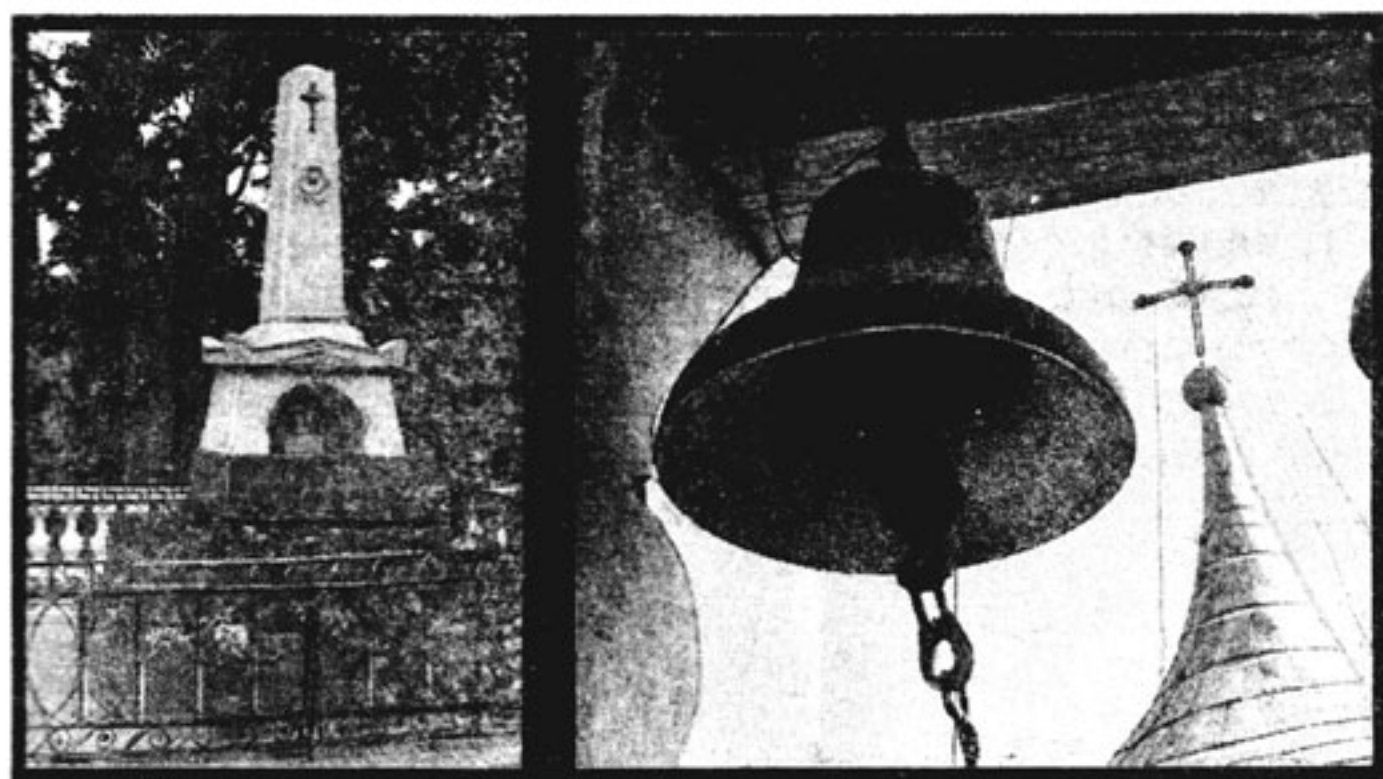
любви к отеческим гробам, без любви к родному пепелищу. Два символа смерти и вдруг — «животворящая святыня»! Слишком часто мы остаемся равнодушными или даже почти враждебными к исчезающим кладбищам и пепелищам — двум источникам наших не слишком мудрых мрачных дум и поверхностно тяжелых настроений. Подобно тому как личная память человека формирует его совесть, его совестливое отношение к его личным предкам и близким — родным и друзьям, старым друзьям, то есть наиболее верным, с которыми его связывают общие воспоминания, — так историческая память народа формирует нравственный климат, в котором живет народ. Может быть, можно было бы подумать, не строить ли нравственность на чем-либо другом: полностью игнорировать прошлое с его, порой, ошибками и тяжелыми воспоминаниями и быть устремленным целиком в будущее, строить это будущее на «разумных основаниях» самих по себе, забыть о прошлом с его темными и светлыми сторонами.

Это не только не нужно, но и невозможно. Память о прошлом прежде всего «светла» (пушкинское выражение), поэтична. Она воспитывает эстетически.

Человеческая культура в целом не только обладает памятью, но это память по преимуществу. Культура человечества — это активная память человечества, активно же введенная в современность.

Могила А. С. Пушкина

Святогорский монастырь

Савкина горка

В истории каждый культурный подъем был в той или иной мере связан с обращением к прошлому. Сколько раз человечество, например, обращалось к античности? По крайней мере, больших, эпохальных обращений было четыре: при Карле Великом, при династии Палеологов в Византии, в эпоху Ренессанса и вновь в конце XVIII — начале XIX века. А сколько было «малых» обращений культуры к античности — в те же средние века, долгое время считавшиеся «темными» (англичане до сих пор говорят о средневековье — «*dark age*»). Каждое обращение к прошлому было «революционным», то есть оно обогащало современность, и каждое обращение по своему понимало это прошлое, брало из прошлого нужное ей для движения вперед. Это я говорю об обращении к античности, а что давало для каждого народа обращение к его собственному национальному прошлому? Если оно не было продиктовано национализмом, узким стремлением отгородиться от других народов и их культурного опыта, оно было плодотворным, ибо обогащало, разнообразило, расширяло культуру народа, его эстетическую восприимчивость. Ведь каждое обращение к старому в новых условиях было всегда новым.

Каролингский Ренессанс в VI—VII веке не был похож на Ренессанс XV века, Ренессанс итальянский не похож на североевропейский. Обращение конца XVIII — начала XIX века, возникшее под влиянием открытий в Помпее и

трудов Винкельмана, отличается от нашего понимания античности и т. д.

Знала несколько обращений к Древней Руси и послепетровская Россия. Были разные стороны в этом обращении. Открытие русской архитектуры и иконы в начале XX века было в основном лишено узкого национализма и очень плодотворно для нового искусства.

Хотелось бы мне продемонстрировать эстетическую и нравственную роль памяти на примере поэзии Пушкина.

У Пушкина Память в поэзии играет огромную роль. Поэтическая роль воспоминаний прослеживается с детских, юношеских стихотворений Пушкина, из которых важнейшее «Воспоминания в Царском Селе», но в дальнейшем роль воспоминаний очень велика не только в лирике Пушкина, но и даже в поэме «Евгений Онегин».

Когда Пушкину необходимо внесение лирического начала, он часто прибегает к воспоминаниям. Как известно, Пушкина не было в Петербурге в наводнение 1824 года, но все же в «Медном всаднике» наводнение окрашено воспоминанием:

«Была ужасная пора, об ней свежо воспоминанье...»

Свои исторические произведения Пушкин также окрашивает долей личной, родовой памяти. Вспомните: в «Борисе Годунове» действует его предок Пушкин, в «Арапе Петра Великого» — тоже предок, Ганнибал.

Московские бульвары

Памятник А. С. Пушкину в Москве

Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры, «накоплений» культуры, память — одна из основ поэзии — эстетического понимания культурных ценностей. Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками. Память — наше богатство.

Письма о добром и прекрасном. М. 1985.

УЧЕНИЕ — ЭТО ТРУД

Что, мне кажется, должна делать современная школа на рубеже XX и XXI веков? Прежде всего нужно помнить, что учение — это труд. И школа должна учить человека умению работать самостоятельно, работать дома, должна приучать к труду, в том числе и к труду научного работника.

В конце концов в XXI веке физическая работа в основном будет выполняться роботами.

Потом школьники могут быть кем угодно, бухгалтерами или рабочими и так далее, но это будет рабочий-ученый, так что нужно воспитывать ученого, потому что это профессия будущего.

И всегда следует помнить, что только в молодости закладывается интеллигентность. Поэтому людей нужно воспитывать не с восьмилетнего возраста, а с шестилетнего, с пятилетнего: я бы даже сказал, с пеленок закладывать в них основы интеллигентности.

И воспитывать с очень большой интенсивностью, ведь подумайте, уже сейчас учение в среднем отнимает одну треть жизни человека. Эту треть жизни нужно сделать как можно более насыщенной. Следует активно прививать молодежи способность осмысленно выбирать профессию. К этому надо готовить очень рано, но самый выбор можно осуществлять лишь тогда, когда молодой человек достиг известного культурного уровня, то есть с 18—19-ти лет. Он сам должен выбирать профессию, опираясь на широкий фон общих знаний, на культурную подготовку интеллигентного человека.

И тогда человек сможет внести что-то новое в выбранной сфере деятельности, потому что у него будет заложен основательный фундамент знаний из разных

наук.

Конечно, среди гуманитарных наук, которые преподаются в школе, особенная роль должна отводиться тем, что воспитывают нравственность. Ведь проблемы нравственности сейчас очень усложнились и актуализировались. И потому науки, несущие сильный моральный заряд, такие, как литература, история, должны преподаваться очень умело, по прекрасным учебникам, хорошо подготовленными педагогами.

Но нужно еще преподавать формальную логику. Многие люди не умеют спорить, не умеют выражать свои мысли, не умеют доказывать свои убеждения.

Сейчас у нас и научные споры иногда просто сводятся к взаимным обвинениям. К обвинению, наклеиванию ярлыков и т. д.

Логика — это наука не только как мыслить, но и как спорить, как доказывать и как себя вести, например, в профессиональной среде. Способность к логическому мышлению в наше время в массе очень упала, даже не все ученые умеют логически точно мыслить. Они иногда делают гениальные догадки, но потом не могут их развить, доказать, в конечном счете утвердить.

Логика нужна для любой профессии, даже если человек занимается физической работой. У знающего и умеющего применять основы логики устанавливаются лучшие отношения с товарищами, он не будет грубо спорить с ними по разным пустякам и бытовым вопросам. Я считаю, что такие дисциплины, как логика, история литературы, история своей страны и чужих стран, совершенно необходимы в школе. И уменьшать объем преподавания этих дисциплин, а тем более исключать их из программы ни в коем случае нельзя.

Мое твердое убеждение, что в школе следует преподавать не отдельные произведения, а историю литературы. Литературное произведение само по себе, исторически необъясненное, теряет на 80 процентов свою действенность — моральную, эстетическую, какую угодно. Ведь каждое произведение создавалось в определенных социальных условиях, при определенных исторических предпосылках, в конкретных биографических обстоятельствах, в конце концов. Так и следует его рассматривать. А по существующим проектам школьных программ преподается не история литературы, а собственно литера-

тура, то есть берется отдельное произведение, и оно толкуется вне истории, вне биографии автора. Так можно дойти до абсурда. Ведь даже у Пушкина есть вещи, которые нельзя воспринимать абстрактно, вне исторической обстановки. Вспомним, например, знаменитое стихотворение «Клеветникам России». Попробуйте объяснить его вне контекста жизни Пушкина и времени, когда оно создавалось, и вы придете к самым неверным выводам. Поэтому крайне важно преподавание в школе именно истории литературы, а не разбор отдельных литературных произведений.

История воспитывает, и история литературы воспитывает, она тоже часть истории. При таком подходе будет ясно, что русской культуре тысяча лет и этим мы должны гордиться.

Древняя русская литература — это прежде всего семь веков в нашей культуре. Мы не вчера родились. Русский народ — один из самых древних в Европе. Имеет братьев — украинцев и белорусов. Прожил удивительную жизнь и создал целый мир искусств. Русской архитектуры хватило бы на десять наций, такая она разнообразная и в разные эпохи и в разных областях совершенно непохожая, своеобразная. А древняя русская литература поразительно разнообразна по жанрам, по многочисленным идеям, стилям, по своей невероятной роли в общественной и государственной жизни страны, народа. Она заменяла собой государство, когда государство распалось, и остатки, «островки», были завоеваны Батыем. Она укрепляла у народа сознание своего единства, напоминала о славной истории, продолжала культурные и политические традиции. Это чудо какое-то. И как же не приобщить молодежь к этому чуду, формирующему национальное самосознание и патриотизм?!

Но если исключить из программ преподавание древнерусской литературы, в том числе и «Слова о полку Игореве», или, оставив «Слову» так мало времени, что толком и прочитать его не успеть, то именно тогда у молодого человека создается впечатление, что Россия целиком зависела от Запада и, лишь когда пришел Петр, наступили времена свободного общения с Европой, откуда пришла литература, принесящая нам роман, повесть, поэму и т.д.

Так ведь большинство людей и думает на Западе, что

у нас якобы не было никаких своих собственных традиций. Слов нет, Запад, конечно, очень сильно повлиял на развитие России в XVIII веке, но семена, посеянные в то время, упали на весьма подготовленную почву. И забывать об этом нельзя. И из чувства справедливости перед предками, и из чувства патриотизма.

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

ОШИБОК НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ

Культура — цель, а не средство, не условие, не благоприятствующая среда. Научно-технический прогресс, борьба за мир, достижение высших скоростей, изобилие потребительских товаров — все это имеет целью развитие человеческой культуры.

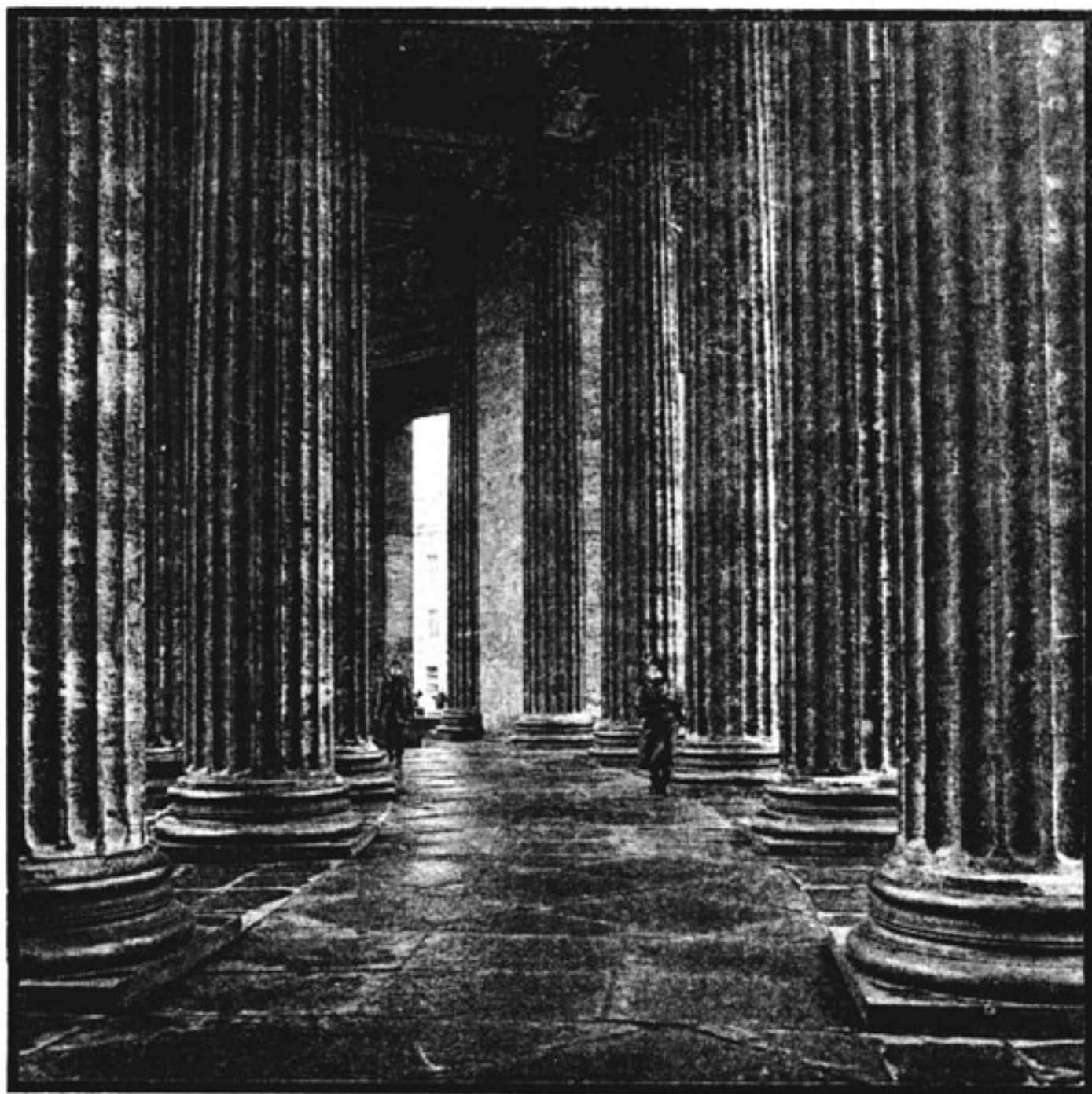
Природа миллиарды лет совершенствовалась сама себя и наконец создала человека. Человек создан с огромными, до конца не использованными творческими возможностями. Для чего все это? Для того, очевидно, чтобы человек не прекратил собой это развитие, не замкнул на себе то, к чему природа стремилась миллиарды лет, а продолжил это развитие. Конечно, продолжение — это не создание еще более совершенного организма, а использование тех возможностей, которые уже есть в человеке, для создания произведений высочайшей культуры. Эта единая цель всего человечества воплощается в тысячах различных произведений искусства, науки, философии. Человечество непрерывно настигает свою цель. «Мадонна Альба» или «Сикстинская мадонна» Рафаэля, симфония Бетховена, «Гамлет» Шекспира, лирика Пушкина — все это «достигнутые цели».

Иногда мы возвышаемся не только до создания высочайших произведений, но до самых возможностей достигнуть их. Это тоже крайне важно. Нынешний век представляется мне как век достигнутых возможностей, за которыми должны последовать и самые произведения культуры общечеловеческой значимости, если не завяжется война, если научно-технический прогресс пойдет достаточно быстро и разумно, если наши производственные возможности реализуются в полной мере, если человеческому творчеству не будут поставлены другие помехи.

Однако культура такая цель, которая сама является и средством к достижению своих вершин. Если та или иная наука, та или иная отрасль техники будет замкнута на самой себе — произойдет замедление их развития, наступит творческое обеднение в науке и технике, истощение творческих возможностей, возникнут тупиковые ситуации.

Ученые опираются на общее культурное развитие, дающееся главным образом благодаря гуманитарным наукам. Приведу только один пример. Язык и мышление теснейшим образом связаны. Если язык обеднеет — обеднеет и мышление. Колоссальное значение имеет терминология, грамматические системы, способствующие самовыражению человека. Язык же опирается в своем разви-

Казанский собор в Ленинграде

тии на письменность, а в ней преимущественно на литературу. А литература в свою очередь имеет колоссальное значение для развития нравственности, нравственного климата в науке и технике. Мы живем в мире все усложняющихся нравственных проблем, которые ставят перед нами усложняющиеся наука и техника. Кто ответит нам на многие вопросы, возникающие перед нашим нравственным сознанием? Именно литература, если она будет достаточно ответственна и глубока!

Наступает эпоха, когда ошибки перестают быть допустимы. Нет ничего вреднее сейчас в нашем мире невероятных возможностей, чем утверждение: «На ошибках учимся!» На чьих ошибках? Своих! Их не должно быть.

Березовая роща, посаженная Саввой Морозовым (Подмосковье)

От ошибок теперь может пострадать все человечество. Будем же учиться на ошибках прошлого, то есть хорошо знать историю, уметь анализировать пройденный путь и ни в коем случае об этом пути не забывать.

Как грибники, которые не хотят заблудиться в лесу, мы должны постоянно оглядываться назад. Эта оглядка касается всех: архитекторов-градостроителей, писателей, мелиораторов, физиков, педагогов, реставраторов, художников, торговых работников — кого угодно. Нет такой специальности, которой не нужна была бы история — она основа культуры.

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

ЦЕЛИТЕЛИ ДУШИ

Как-то я возвращался из путешествия по Волге до Астрахани и обратно. Теплоход современный, огромный, комфортабельный. На нем более трехсот пассажиров. Но не было ни одного, который оставался бы равнодушен при виде затопленных лесов и ободранных памятников архитектуры на берегах. Не успевало скрыться из виду одно когда-то красивое здание с провалившейся крышей, как появлялось в поле зрения другое. И так все двадцать два дня путешествия. Беда, лебедиными крыльями бьет беда! А еще больше огорчало, когда мы вообще не видели здания, еще недавно высящегося на берегу, но безжалостно снесенного под тем предлогом, что вид его из-за безнадзорности и запустения стал безобразен. Это же вопиющая безответственность и бесхозяйственность. Неужели нельзя приспособить погибающие церкви, старые усадьбы к нуждам окружающего населения или оставить их как памятники, знаки минувшего, покрыв только добротными крышами, предотвратив дальнейшее разрушение?! Ведь почти все они удивительно красивы, поставлены на самых видных местах. Они плачут глазами своих пустых окон, глядя на проплывающие дворцы отдыха. И огорчало это решительно всех. Не было ни одного человека, которого зрелище «уходящей культуры» оставляло бы равнодушным.

Мы не храним старину не потому, что ее много, не потому, что среди нас мало ценителей красоты прошло-

го, любящих родную историю и родное искусство, мало патриотизма, а потому, что слишком спешим, слишком ждем немедленной «отдачи», не верим в медленных целителей души. А ведь памятники старины воспитывают, как и ухоженные леса воспитывают заботливое отношение к окружающей природе.

Особенное воспитательное значение имеют мемориальные места — места боев, усадьбы писателей, художников, ученых, их квартиры, их любимые пейзажи (должны быть зоны охраняемых пейзажей, зоны охраняемых городских ландшафтов). Их совсем не так много, как иногда кажется. И те, что есть, окружены любовью местных энтузиастов, добровольных музейных работников — работников «на общественных началах». Но как часто они безнадзорны у тех, кто за них должен отвечать по долгу службы!

И еще одно: почему мы боимся мертвых? Почему так плохо храним родные могилы? Что мы, суеверны? Верим в привидения, в вурдалаков? Ведь кладбища в маленьких городах, селениях всегда были любимыми местами прогулок. Посмотреть на близкие могилы, прочесть чью-то фамилию, имя и отчество, даты жизни — почему все это стало нас страшить и пугать? Неужели мы думаем, что никогда не умрем? Во все века и во всех странах сознание собственной смертности воспитывало и приучало думать о том, какую память мы по себе оставим.

Поленово

Но если мы верим, что не оставим по себе памяти, тогда и делать можно что угодно, живи мгновением, или, как говорят разные пошляки, «лови момент». А нам необходимо ощущать себя в истории, понимать свое значение в современной жизни, даже если она «частная», небольшая, но все же добрая для окружающих... Каждый может делать что-то хорошее в жизни и оставить по себе добрую память. Хранить память о других — это оставлять добрую память о себе.

Публикуется впервые.

Память истории священна

— *Дмитрий Сергеевич, судьбы памятников культуры в нашей стране находятся постоянно в центре внимания общественности. В Москве, Ленинграде, в других городах и селах воздвигаются монументы, обелиски, мемориалы, создаются историко-архитектурные заповедники, словом, ведется большая работа, цель которой — укреплять, поддерживать в наших людях сознание великого триединства: прошлое — настоящее — будущее. Знаменательно, что передовая статья «Правды», вышедшей в День Победы 9 мая 1982 года, называлась «Воспитание историей».*

Преемственность культуры, долговечность самой жизни

Абрамцево

ни народов гарантированы лишь при том условии, что народ обладает хорошей памятью, если прошлое его работает вместе с настоящим для будущего.

И потому всяческое невнимание к памятникам нашей духовной и материальной культуры, а они связаны и с давним прошлым, и с революционными событиями, и с минувшей войной, настораживает.

— Согласен. Памятников истории и культуры, по официальным подсчетам, только в РСФСР более 180 тысяч. А фактически — в несколько раз больше. Потому что их выявление, описание, исследование — процесс непрерывный.

Памятники эти составляют особый мир, являются важной составной частью культурной, идеологической среды, в которой, так же как и в природной среде, живут люди.

Поэтому ясно, что проблемы сохранения природной среды и сохранения культурной среды человечества стоят рядом.

Это проблема Экологии с большой буквы.

— Кто же должен решать эти проблемы?

— Можно ответить общим определением: общество, государство. Но если взглядеться внимательнее, то сразу обнаружится четкая причинно-следственная связь.

Если памятник, будь то отдельное сооружение или комплекс, или ландшафт, находится под опекой, неусыпным вниманием энтузиастов и специалистов-профессионалов, если местные власти относятся к нему с действительной, действенной поддержкой и вниманием, а общественность с готовностью откликается на любые нужды, связанные с жизнью и «работой» памятника, то положение можно считать нормальным.

И хотя нет критериев для оценки пользы, она, несомненно, огромна, реальна, ощутима, видима.

«Бестелесная духовная субстанция» — воздействие культурной среды на души людей становится отчетливой силой, особенно могучей во времена предельных испытаний, выпадающих на долю народа. Минувшая война, которую и сегодня помнят наши люди, очень ясно показала это.

— И вы можете, Дмитрий Сергеевич, привести примеры такой оптимальной «жизни и работы» памятника?

— Их немало. Но, пожалуй, наиболее ярким, класси-

ческим, так сказать, примером является жизнь Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина в Псковской области.

Здесь мы встретим весь комплекс необходимых условий для успеха дела.

— *Во главе заповедника вот уже более тридцати лет стоит неистовый энтузиаст, крупнейший специалист-профессионал, как его называют, «музейный гений», Семен Степанович Гейченко.*

Вместе с ним работают его ученики, соратники, сотрудники — более ста человек. Все они специалисты самого высокого класса, будь то садовый рабочий, художник-оформитель или смотрительница в музее. С полным основанием можно сказать, что заповедник является еще и университетом музейного дела.

А с другой стороны, не было бы того благотворного для памятника климата в Михайловском, если бы не самое деятельное, самое всестороннее внимание к его делам, нуждам, планам со стороны как местных властей, так и самой широкой общественности.

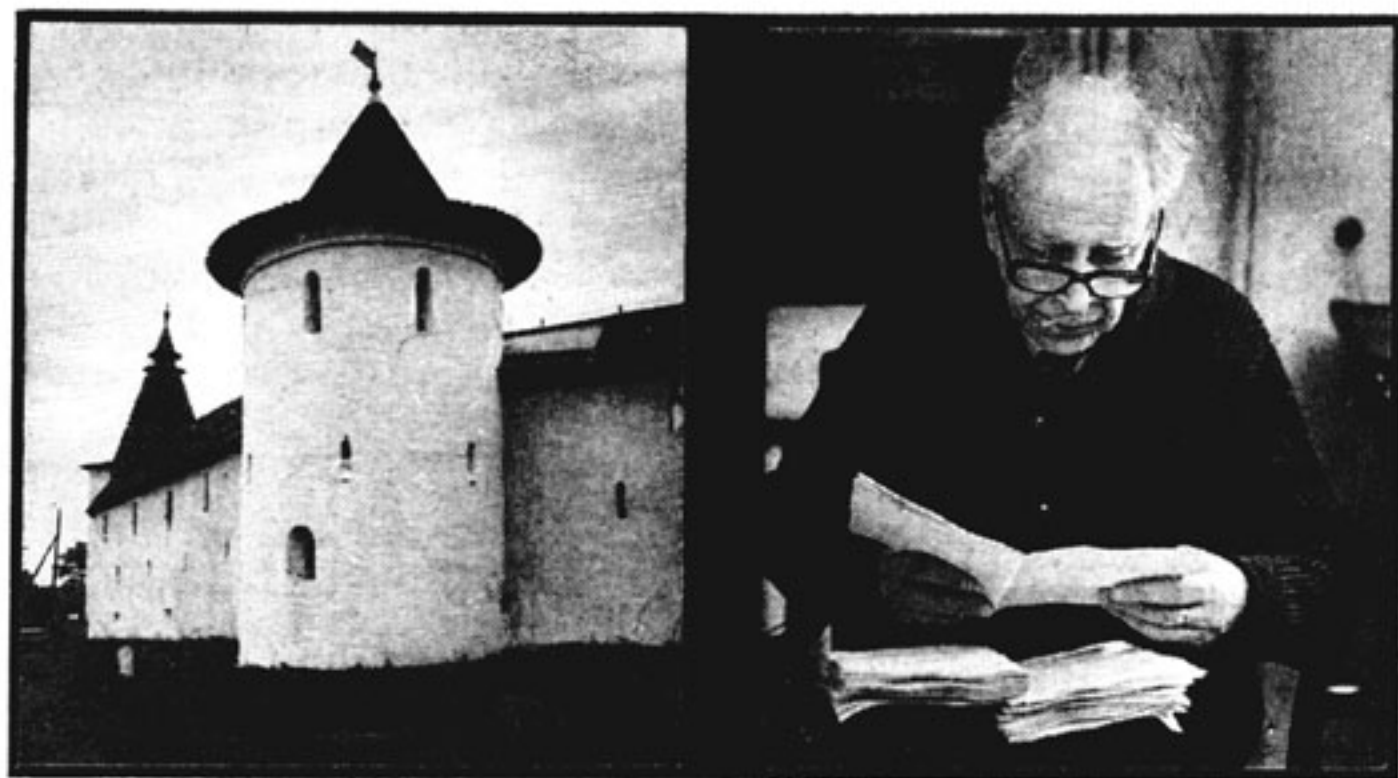
Первый секретарь Пушкиногорского райкома КПСС едва ли не ежедневно бывает в заповеднике, и не как посетитель, почетный гость, а как сотрудник, деятельный помощник, соратник.

Здесь используются различные формы взаимодействия работников музея с паломниками-добровольцами. Кстати, интересная тема для размышлений о подобной деятельности как форме активного отдыха.

— Трудно подсчитать в рублях, в человеко-часах всю огромную пользу, которую принесли энтузиасты этой народной святыне. Не менее трудно подсчитать все то огромное духовное богатство, которым одарил Пушкин всех своих друзей. Но, подчеркну, работа энтузиастов имеет смысл и приносит пользу лишь при умелом руководстве профессионалов.

— *Вы назвали цифру — 180 тысяч памятников. А сколько из них нуждается в помощи?*

— Вы знаете, дело не только в помощи. Ведь памятник в запущенном состоянии, полуразрушенный, заброшенный, захламленный, на котором «красуется» ржавая вывеска с еле различимыми словами: «Охраняется государством», — такой памятник тоже работает с большой силой убеждения, внушения. Со знаком минус.

*Боровск**Д. С. Лихачев*

Такой памятник работает в полную силу против памяти народной. Против уважения к чести и достоинству Родины.

Север России сохранил для нас бесценные сокровища фольклора, зодчества, памяти народной. Север России — это красивейшая полоса планеты. И за все это теперь мы должны сохранить Север, должны беречь его как зеницу ока.

Из этого следует, что при разработке подобных проектов в составе авторитетных комиссий и экспертных групп должны быть искусствоведы, историки, архитекторы-реставраторы, т. е. специалисты по памятникам культуры самых высоких квалификаций.

Давно пора понять, что такие наши города-памятники, как Новгород, Суздаль, Ростов Великий, Устюг Великий, Тотьма, по своей культурной ценности для людей всего мира ни в коей мере не уступают Венеции, Флоренции, Вероне...

Да, я назвал цифру — 180 тысяч взятых на учет памятников культуры. А сколько из них на самом деле охраняется, поддерживается, используется так, как надо?

Я буду большим оптимистом, если скажу, что треть. На самом деле положение гораздо хуже.

И тут, мне кажется, немалая доля вины ложится на

*Юный художник**Город Изборск*

республиканское общество охраны памятников истории и культуры – ВООПИК.

Причины такого положения, видимо, заключаются в том, что, например, ВООПИК более или менее активно действует в Москве, в Ленинграде (и то с большими оговорками), в областных центрах. А вот на периферии, т. е. там, где находится добрая половина ценнейших памятников культуры, деятельность общества фактически отсутствует. Нет того социального климата органичного уважения к памятникам культуры, создание которого и является главной задачей обществ. Общества охраны памятников различных союзных республик очень слабо связаны между собой. Давно уже ясно, что необходим центральный координирующий орган, вырабатывающий общие программы, общую политику для всех республиканских обществ.

Средства массовой информации должны гораздо шире, активнее и, главное, систематичнее вести пропаганду охраны памятников культуры. Хотелось бы, в частности, чтобы на Центральном телевидении появилась специальная передача-рубрика типа «Клуба путешествий», только более публицистичная, более остро ставящая проблемы. Об этом в полный голос говорилось на IV съезде ВООПИК.

— Если говорить о создании благоприятного социального климата уважения к памятникам культуры, бережного к ним отношения как о главной задаче деятельности ВООПИК, то «антипримеры» можно найти совсем недалеко от Москвы.

Хотелось бы поговорить в связи с этим о пушкинском комплексе «Захарово — Вязёмы».

— Тем более что это единственное под Москвой пушкинское место такого значения. Ведь в Захарове, в имении своей бабушки Марии Алексеевны Ганнибал, юный Пушкин жил с родителями в течение нескольких лет, с ранней весны до поздней осени.

Не осталось ни большого дома, ни флигелей усадьбы, но есть фрагменты старинного парка, есть воспетый поэтом пруд, есть, наконец, все те топографические особенности ландшафта, которые были при Пушкине.

А рядом расположено старинное село Большие Вязёмы — вотчина Бориса Годунова. Там сохранился великолепный дворец, флигели, величественный собор, красавица звонница.

Пушкин часто бывал с родителями в этом имении, принадлежавшем в то время князьям Голицыным.

Насколько мне известно, в Вязёмах, в Захарове нет ни музея, ни заповедника, но люди со всей страны знают это место, посещают его, так сказать, «голосуют ногами» за создание пушкинского заповедника под Москвой.

— Дмитрий Сергеевич, если говорить реально, то вряд ли можно рассчитывать на скорое исполнение такого вполне оправданного желания — открытия пушкинского музея-заповедника под Москвой. Но вполне своевременно говорить о том, что местные власти, местное население могли бы привести в порядок эти святые для нашего народа места.

И Захарово и Вязёмы находятся сегодня в плачевном состоянии. Собор в Вязёмском имении реставрируется уже более тридцати лет. А между собором и звонницей «пользователь» — научно-исследовательской институт — выстроил гараж-временку, и в результате памятник в целом приобрел жалкий, окарикатуренный облик. Не говоря уже о том, что тяжёлые автомобили губят ста-

ринный парк, видевший Пушкина. Многие деревья уже высохли, а техника продолжает свое дело: выхлопными газами и колесами.

Что же касается Захарова, то там положение еще более печально. Нынешний владелец имения — так сказать, культурный центр — Центральный Дом Советской Армии. В Захарове пионерский лагерь ЦДСА. И этот лагерь был закрыт местной санитарно-эпидемиологической станцией.

— Что ж, вот вам печальный пример равнодушного отношения «пользователей», местного населения, местных властей к памятникам, расположенным, так сказать, у себя дома. Поистине «нет пророка в своем отечестве»!

Ведь ситуация, описанная вами, весьма проста. Исполком городского Совета народных депутатов Одинцовского района имеет все права самым жестким образом, вплоть до судебной ответственности, потребовать от лиц и организаций, разместившихся на временно переданной им Советской властью в пользование территории вместе с постройками и сооружениями, соблюдения самого строгого порядка, недопущения никаких самовольных застроек типа гаражей, сараев и так далее, не говоря уж о захламлении.

Так что власть, права имеются в полном объеме. Тем более когда речь идет о местах, о памятниках, связанных с именем Пушкина! Почему же власть не применяется? Чего для этого не хватает? Не хватает сознания того, что для всех жителей Одинцовского района Московской области, для всех депутатов городского Совета дело чести, одно из самых первоосновных дел: содержать в достойном состоянии пушкинские места. Они должны в полной мере осознать, что им выпало великое счастье, что именно на их земле есть такое место — Захарово, есть Вязёмы!

Я слышал, что в подражание михайловскому Пушкинскому празднику поэзии на поле возле закрытого санэпидстанцией Захарова тоже устраивают праздники. Мне думается, что такое празднование рядом с захламленным памятником — издевательство, а не торжественный акт во славу поэта.

Знаете, я убежден, что если местные власти не признают ценности и значения памятника, который находится на их земле, то гораздо активнее должны воздействовать на них государство, Министерства культуры РСФСР и СССР, специалисты, общественность.

И возвращаясь к разговору о деятельности обществ охраны памятников, и в частности ВООПИК, я считаю, что на начальном этапе работы с памятниками роль общества первоосновная. Широчайшая разъяснительная, просветительская работа, борьба с чиновниками и бюрократами, если надо, борьба непрерывная и только до победного конца — это и есть первая и основная обязанность органов ВООПИК, в данном случае в проблеме Захарово — Вязёмы.

— Ну а когда наступает второй этап, когда решение о «принятии памятника в штат» состоялось, то можно, видимо, считать, что судьба памятника обеспечена?

— Жизнь показывает, что это не так. Чрезвычайно важно на втором этапе предупредить возможные ошибки, могущие возникнуть из-за игнорирования административными и хозяйственными работниками очень тонких, специфических, требующих специальных знаний проблем, связанных с реставрацией и возрождением памятников культуры. В связи с этим позвольте остановиться на одном вызывающем особое беспокойство примере.

Тригорское

В течение более десяти лет общественность, печать, деятели науки, литературы, искусства добивались решения вопроса о восстановлении находящейся в Московской области усадьбы великого русского поэта Александра Блока — Шахматово. Наконец в прошлом году было принято постановление Совета Министров РСФСР о создании в Подмосковье Государственного историко-литературного и природного музея-заповедника А. А. Блока.

Казалось бы, что должны сделать в первую очередь люди, ответственные за выполнение (неформальное) прекрасного постановления правительства республики? (Я имею в виду сотрудников Управления музеев Министерства культуры РСФСР и сотрудников Управления культуры Мособлисполкома.)

На мой взгляд, вопрос элементарен — назначить директора будущего заповедника и хотя бы нескольких научных сотрудников из числа тех специалистов, которые давно занимаются проблемой Шахматова, досконально изучивших жизнь поэта в усадьбе, ее историю, архитектуру, планировку и так далее. И затем уже, не откладывая, начать практическую работу по созданию заповедника: разработку его генплана, утверждение границ, охранных зон, разработку рабочих проектов восстановления усадебного дома, флигеля и иных строений, возрождение парка, приведение в порядок сада Блока и т. д.

Такое решение напрашивается само собой, ему есть добрые примеры (обратимся вновь к опыту С. С. Гейченко, поднимающего пушкинский заповедник практически с первого дня освобождения Пушкинских Гор от фашистов). А есть примеры и недобрые. Недавно ваш журнал рассказал о трагическом состоянии архитектурных памятников и природы Валаама, возникшем, в частности, и оттого, что у уникального заповедника на Валаааме практически не было хозяина, облеченного, подчеркиваю, всеми необходимыми полномочиями и возможностями.

Заповеднику Блока, кажется, тоже грозит опасность остаться домом без хозяина. Ведь что же получается: кто-то, но не специалисты-блоковеды, будет составлять и утверждать охранные зоны; кто-то — решать, какой же дом все-таки восстанавливать в Шахматово, ведь усадебный дом не раз перестраивался; кто-то — решать, где и какую проводить дорогу, какие вырубать, а какие сажать деревья в саду, и так далее, и так далее.

Аллея А. П. Керн

Пока же еще ни один специалист-блоковед (т. е. человек, профессионально знающий предмет) к работе над проектом блоковского заповедника, а тем более для работы в нем официально Министерством культуры РСФСР и Управлением культуры Мособлисполкома не привлекался. Но ведь будет поздно, когда что-то построят, проложат, вырубят... Поздно будет переделывать. А ведь блоковский заповедник следует создавать по образу и подобию пушкинского, с такими же задачами и возможностями. И это — очень непростое дело.

Создавшееся положение тем более странно, что организуемый в Подмосковье музей Блока должен же быть чем-то наполнен — нужны подлинные вещи, книги, портреты, мебель, помнящие поэта, близких ему людей. И они есть. Пока есть. Их надо собирать немедленно, бережно, тщательно, настойчиво. А над этим сейчас вообще никто не думает, а то, что собрали, выявили, разыскали энтузиасты, создавшие даже картотеку блоковских реликвий, видимо, работников соответствующих управлений не интересуют — вот и получается, что пока, к сожалению, судьба блоковского заповедника в руках равнодушных исполнителей.

Сейчас, когда организация блоковского заповедника только начинается, следует по-государственному, разумно подходить к делу.

А что, кроме недоумения (можно выразиться и резче), вызывает постоянное негативно-равнодушное отношение руководителей Солнечногорского района Московской области, да и немалого ранга руководителей самой области, к блоковским памятным местам? Кажется, что испытывают они не чувство гордости и действительной любви к земле поэта, а чувство навязанной извне обузы. Видимо, надо как-то поправлять и воспитывать подобных руководителей.

Следует безотлагательно также подумать и решить вопрос о восстановлении находящейся в семи километрах от Шахматова усадьбы одного из величайших русских ученых, гениального Д. И. Менделеева — Боблово. Почти сорок лет прожил здесь Менделеев, создал многие свои труды, работал над периодической системой элементов, в окрестных полях проводил сельскохозяйственные опыты, в устроенной им лаборатории — эксперименты, организо-

Фрагмент дома А. Бенуа в Ленинграде

вывал школы, трудился над провидческой книгой «К познанию России».

Грустно напоминать, что места, освященные бытием национального гения, заброшены, запущены. Такое беспамятство по отношению к прошлому ведет к опасному нравственному оскудению. Думается, всем нам, и Академии наук СССР в том числе, будет стыдно смотреть в глаза гостям, которые съедутся в 1984 году в нашу страну со всего мира на празднование 150-летия со дня рождения великого представителя мировой науки. Ведь должны же быть у народа святыни!

Хотелось бы напомнить еще об одном близящемся юбилее. В 1984 году исполняется 175 лет со дня рождения Н. В. Гоголя. В Москве сохранился дом Талызиной, где скончался великий писатель. Сейчас здесь городская библиотека № 2 имени Н. В. Гоголя и в нескольких комнатах расположилась небольшая, очень хорошо продуманная литературная экспозиция. Но, видимо, необходимо перевести библиотеку в соседнее здание этой усадьбы, а в доме, где умер писатель, открыть наконец музей Гоголя — первый в нашей стране. Да, поразительно, но у нас нет музея Н. В. Гоголя и очень неспешно продвигаются дела в Полтавской области, где создается гоголевский заповедник. Москва обладает и правами и возможностями для создания мемориального музея Н. В. Гого-

*Большие Вязёмы.
Рисунок Н. Жданова*

*А. С. Пушкин. Портрет
неизвестного художника*

ля, и надо приступать к его созданию. Возрождение этих памятников — дело чести двух республик: РСФСР и УССР. Ведь Гоголь — это живая связь двух братских народов — русских и украинцев!

Пора подумать и о создании музея М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, на Литейном проспекте, где прекрасно сохранилась квартира писателя. Творчество Салтыкова-Щедрина, как известно, вкривь и вкось толкуют на Западе. Музей Салтыкова-Щедрина может стать превосходным местом для широкой просветительной работы, основой которой будет освещение истинного смысла и значения великого наследия писателя.

Не могу здесь не сказать и о добром начинании, о котором мне только что стало известно. Главное управление культуры Моссовета поддержало ходатайство Московского городского отделения ВООПИК о создании литературно-мемориального музея А. Блока в Москве, в доме № 6 по улице Алексея Толстого, где он жил в 1904 году. Об этом памятнике рассказывали журнал «Огонек» и газета «Советская Россия». Поддерживая предложение Главного управления культуры Моссовета, Министерство культуры РСФСР решило открыть в этом доме литературно-мемориальный музей А. Блока на правах филиала Государственного литературного музея. Это —

*Москва. Дом на Суворовском бульваре,
где жил и умер Н. В. Гоголь*

*Последний портрет Гоголя.
(1852 г.)*

*Рисунок Э. А. Дмитриева-
Мамонова*

прекрасное, своевременное и принципиально важное решение. Суть проблемы в том, что А. Блок стоял на рубеже литературы двух эпох, что он связал своим творчеством великую русскую литературу XIX века с литературой социалистического общества, ведь именно с поэмы «Двенадцать» каждый школьник уже более полувека начинает изучение советской поэзии. Блок же и завершил пушкинскую эпоху русской литературы. Неразрывность, преемственность культуры олицетворяет поэзия да и сама жизнь Блока, в первые же послереволюционные дни ставшего на сторону Советской власти и отдавшего все силы строительству новой, социалистической культуры. Не так давно, к 100-летию со дня рождения поэта, в Гослитмузее была развернута прекрасная выставка материалов о его жизни и творчестве. Уже тогда писали, что эти реликвии достойны не залеживаться в фондах, а занять место в постоянной экспозиции музея Блока в Москве. Эту позицию активно поддержали и директор Гослитмузея Н. В. Шахалова, и начальник Управления музеев Министерства культуры РСФСР А. В. Бартковская, и крупные ученые, и писатели страны. Теперь есть основания надеяться, что эти благие намерения претворятся в жизнь и откроется в Москве музей поэта, которого А. М. Горький называл «волею божией поэтом и

*Москва. Дом,
где останавливался А. Блок*

А. Блок.

Рисунок Н. Жданова

человеком бесстрашной искренности».

— Наш разговор, Дмитрий Сергеевич, принимает направление уже более специализированное. Мы подошли к деятельности людей, непосредственно отвечающих за работу с памятниками культуры: местных и не только местных руководителей, администраторов и хозяйственников, музейных работников, реставраторов и так далее.

— Поворот беседы вполне закономерен. В конце концов, отвечать за дело должны люди, которые к нему приставлены. Общественность общественностью, а ответственность персональных лиц прежде всего.

Ведь мы говорим о делах, можно сказать, кровно затрагивающих буквально каждого из нас!

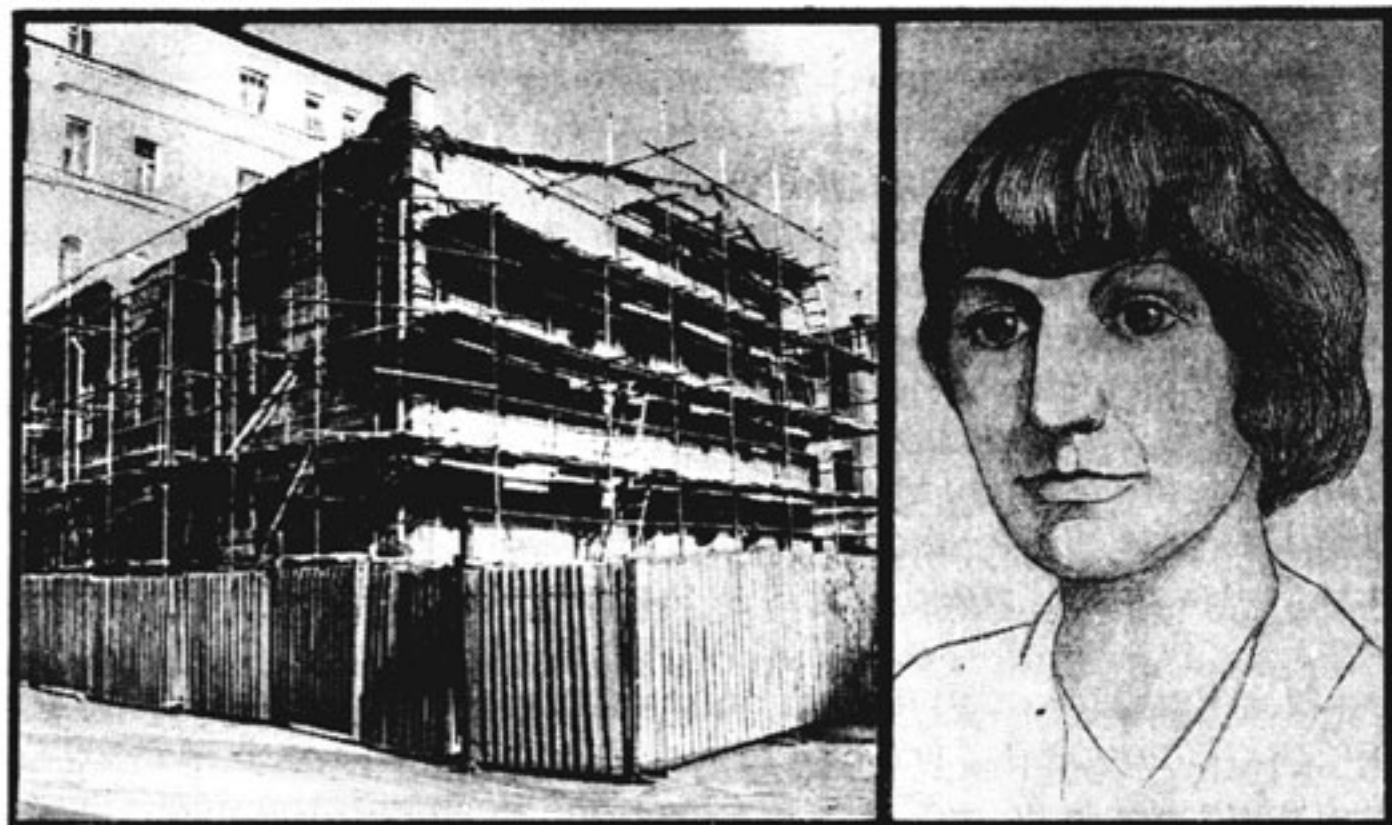
Может ли оставить спокойным, например, ярославцев отношение местных властей к памятникам в старой центральной части этого города-музея?

А как могут жители Молдавии спокойно видеть использование белого камня из обнаруженных археологами изумительных античных построек на местные хозяйственные нужды?!

Об этом надо, как говорится, бить в колокола беспрерывно, для того чтобы те, кто виновен в подобных безобразиях, видели, знали, ощущали, что они находятся в зоне самого пристального внимания общества и что

*Портрет
Марины Цветаевой.
Рисунок Н. Жданова*

Дом М. Цветаевой в Москве.

любое антидействие или любая бездеятельность не остаются без последствий.

Добавлю также, что оттого, что человека без соответствующей профессиональной подготовки и знаний назначат генеральным директором музея, этот человек ни музейным специалистом, ни искусствоведом не станет.

И еще: если власти, партийные и советские, на местах заняты лишь решением узкохозяйственных проблем, если они равнодушны к культуре родного края, к его истории, там, как правило, идеологическое, нравственное воспитание хромает на обе ноги. А эта сторона имеет, как известно, прямую связь с любыми формами практической деятельности.

— Одним из самых ярких примеров недопустимого отношения к величайшим памятникам нашей культуры со стороны совершенно конкретных лиц является «борьба против Грековых», которая много лет подряд велась в Новгороде...

Если вы позволите, Дмитрий Сергеевич, мы напомним читателям начало этой истории.

Новгород. Новгородская область. Эти славные исторические места с первых же месяцев войны стали ареной жестоких, кровопролитных сражений. Более того, именно здесь прошла та черта, дальше которой не смогли двинуться фашисты.

А когда пришел победный час и наши, выстояв, перемолов силы врага, пошли вперед на запад, то остались на старом рубеже скорбные курганы, под которыми лежали воины «сороковых роковых» и останки шедевров — новгородских храмов XII, XIII, XIV, XV веков. Тлен, прах, пыль. И так, казалось, навсегда.

Но советские люди совершили подвиг, подняв из руин Новгород, восстановив многие его памятники, которые казались утраченными навечно.

Однако и среди подвигов бывают такие, про которые говорят: «Невозможное становится возможным!» Именно таков подвижнический труд художников-реставраторов Александра Петровича и Валентины Борисовны Грековых, продолжающийся уже почти двадцать лет.

Именно они с группами энтузиастов со всей страны, из многих городов дважды перебрали своими руками, дважды просеяли пыль и щебень, из которого состоял курган, —

все, что осталось от храма Спаса на Ковалеве — шедевра архитектуры и фресковой живописи.

Много лет Грековы по крупинкам выбирали сотни тысяч мельчайших частиц штукатурки со следами сохранившихся остатков фресок, подобрали из этих крупинок почти сто семьдесят квадратных метров росписей, вернули из небытия несколько больших законченных живописных сюжетов.

И все годы, пока они работали на кургане, за их плечами стояла смерть. Десятки неразорвавшихся снарядов, мины извлекли из «военного слоя» саперы — постоянные сотрудники Грековых на Ковалевском холме.

Работы еще очень много, больше половины крохотных частиц не нашли пока своего места — ждут подборки. Еще только десять квадратных метров фресок окончательно смонтированы, закреплены на специальных титановых щитах.

Весь мир знает о подвиге Грековых. О них написаны статьи, очерки, репортажи. О них сняты фильмы, показаны телевизионные передачи.

Грековы — гордость нашей национальной культуры.

— «Это самая героическая, самая вдохновенная и самая нужная работа реставраторов, которую я когда-либо видел. Это работа не только большого технического мастерства, но и работа, за которой чувствуется моральная сила», — так я писал почти пятнадцать лет тому назад о подвиге Грековых.

То же самое повторяю теперь. Только требуется внести малопривычное уточнение: подвиг продолжается, а параллельно развивается некрасивая история, которая, можно сказать, обволакивает подвиг, стремится его уничтожить.

— После первых побед Грековых, когда всем стало ясно, что их терпение, труд, талант возрождают, казалось бы, погибшие шедевры, возникла идея отстроить вновь и сам храм Спаса на Ковалеве. И естественно, вернуть фрески на их «штатное» место.

За долгие годы подвижнического труда Грековы убедились в том, что собранные из микроскопических частиц, скрепленные специальным составом и смонтированные на титановых щитах композиции нуждаются в особо бережном хранении и помещении со строгим температурно-влажностным режимом.

Считаю необходимым еще раз напомнить про исключительную культурную и художественную ценность ковалевских фресок. Роспись была завершена за месяц до Куликовской битвы, и военная тематика доминирует в композициях. Гениальные древнерусские художники сумели передать всенародный дух высокого патриотизма, владевший в то время русскими людьми.

Особенное значение имеет и то, что в создании фресок вместе с русскими художниками принимали участие и сербские мастера.

За восстановление Ковалевского храма взялся новгородский архитектор Л. Е. Красноречьев. Человек одаренный, работоспособный, он известен в Новгороде своими работами, особенно в области реставрации памятников деревянного зодчества.

Новгород. Рисунок Д. С. Лихачева

Знам. собор

Спас 14

Однако излишняя торопливость и самоуверенность в работе на Ковалевском холме сыграли с ним злую шутку. Применение в возводимой зимой постройке раствора с большими добавками цемента сделало здание сырым, как бы тянущим в себя влагу из окружающей местности.

Простому говоря, при восстановлении Ковалевского храма был допущен большой брак. И каждому здравомыслящему человеку ясно, что ни о каком музейном экспонировании (а тем более драгоценных фресок) в этом сыром здании и речи быть не может. И несмотря на это, в Новгороде уже много лет добиваются того, чтобы фрески были установлены именно в Ковалевском храме.

Странно, но «идею» о возвращении фресок в Ковалево деятельно поддерживали директор новгородского музея Л. И. Ярош, а также руководители ВО «Союзреставрация» — Всесоюзного объединения, занимающегося реставрационными работами, — В. И. Антонов и И. М. Гудков.

Очевидно, здесь мы имеем дело с административным упрямством и самыми мелкими чувствами по отношению к заслуженной широкой известности, которой пользуются А. П. и В. Б. Грековы.

— Министерство культуры СССР, его научно-методический совет неоднократно разъясняли, указывали, приказывали хозяйственникам и администраторам в Москве, в Новгороде, как надо обращаться с драгоценными фресками, подчеркивали, что категорически нельзя экспериментировать с ними, пытаясь всеми правдами и неправдами водворить шедевры древнерусской живописи в сырое, неприспособленное помещение.

Но три фрагмента фресок уже помещены в Ковалевскую церковь. Грековым под любыми предлогами запрещено монтировать подобранные композиции. В результате на сегодняшний день подобрано 170 квадратных метров фресок, а смонтировано лишь десять.

Особенно печально говорить про эту историю, которая происходит в Новгороде, поскольку есть немало примеров того, как внимательно, заинтересованно, чутко реагируют и областная партийная организация, и местные Советы на все проблемы археологов, реставраторов, хранителей многочисленных сокровищ Новгорода.

Убежден, что при сложившихся обстоятельствах разрешение этой проблемы может быть осуществлено лишь

одним способом. Видимо, настало время для того, чтобы срочным специальным решением Министерства культуры СССР фрески, всю мастерскую, самих художников немедленно перевести в Москву.

Музей имени Андрея Рублева давно предлагает эту меру и гарантирует наилучшие условия для хранения фресок и для работы Грековых. Слишком опасными становятся безответственные действия, опасными для жизни фресок и просто для жизни Грековых, немолодых людей, которым уже не хватает сил бороться за дело, которому они отдали столько лет.

За эти и подобные действия несут ответственность не безымянные «массы», а вполне конкретные «деятели»!

Об опыте противоположного, позитивного характера могут немало интересного рассказать товарищи из Прибалтики. Там во многих местах все партийные, советские, хозяйственные руководители в обязательном порядке проходят курсы изучения истории родной республики, ее культуры, основ музейного дела. И результаты исключительно плодотворны.

Очень добрый, эталонный, я бы сказал, пример самого внимательного отношения к памятникам культуры со стороны областной партийной организации мы видим в Пензенской области. Здесь действительно происходит настоящий музейный ренессанс. Многочисленные мемориалы, музеи, памятники там и оберегаются, и работают с самым высоким коэффициентом полезного действия. Постоянно открываются новые музеи и мемориалы, реставрируются и возрождаются старые усадьбы, где жили и бывали люди, оставившие славный след в истории Отечества. И отдача этой работы велика, не только, замечу, нравственная, но и хозяйственная отдача.

Хорошие примеры есть. Но сегодня остаются еще и веские основания для большого беспокойства.

Пусть как сигнал тревоги, как набат нашей совести, как призыв к немедленным спасательным операциям прозвучат имена некоторых великих памятников, взывающих о помощи и спасении:

Остров Валаам в Карельской АССР.

Могила героев Куликовской битвы Пересвета и Осляби в Москве.

Склеп Деметры в Керчи.

Усадьба Д. И. Менделеева Боблово в Подмосковье.

Даниловский монастырь в Москве...

Память истории народа и все, что ее олицетворяет, священны. И это не просто высокие слова, это ориентир в практических действиях.

Беседу вел М. Баринов

Огонек, 1982. № 29.

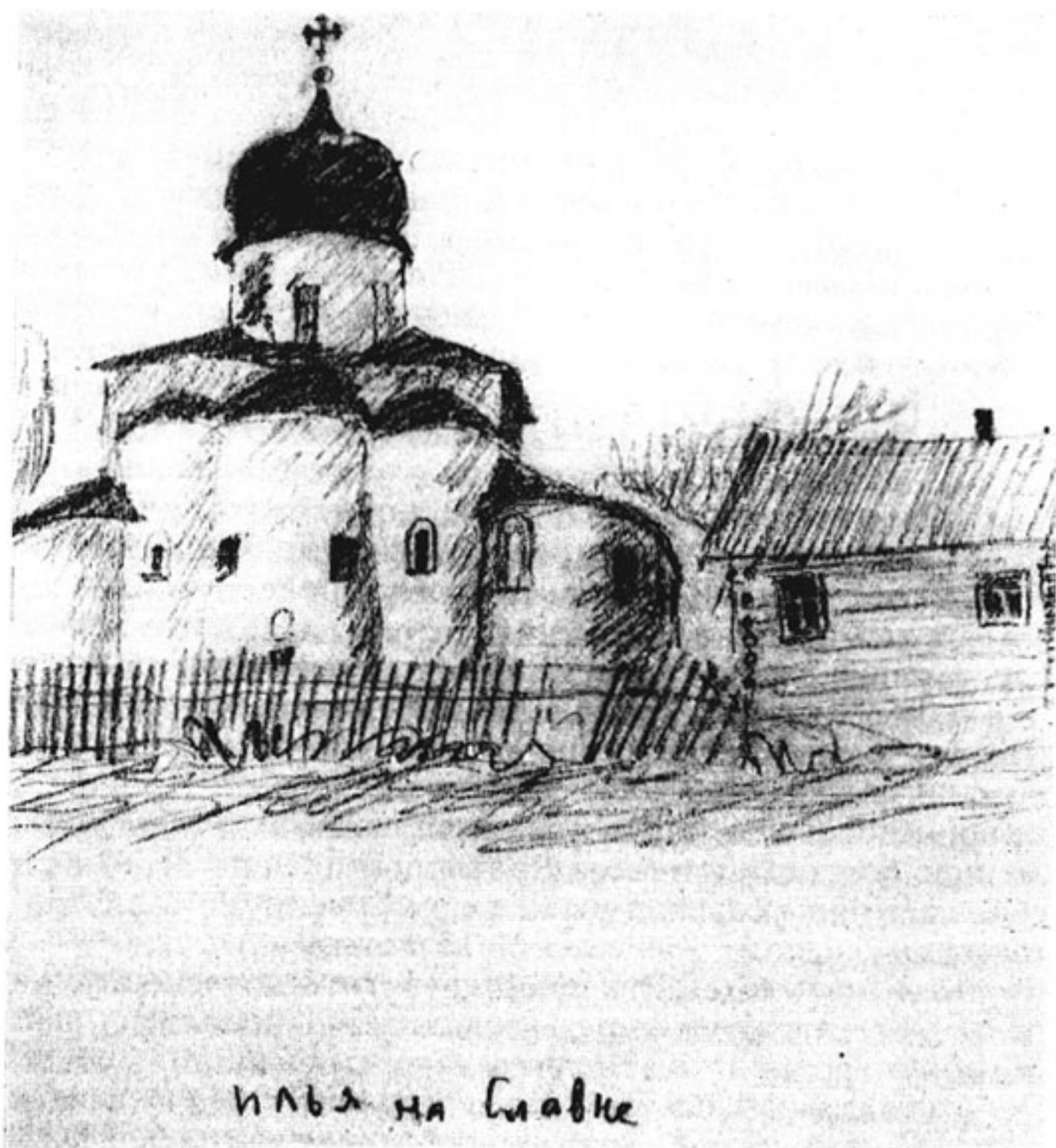
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СЛУЧАЙ

С 29 июня по 2 июля 1982 года проходил съезд Общества охраны памятников истории и культуры в Новгороде. Был там и Валентин Григорьевич Распутин, которому я немного показывал Новгород, и вот что я ему рассказывал, не рассчитывая на возможность использования для какого-либо рассказа. Действительность в моем рассказе была «литературнее» допустимого в литературном произведении. В церкви Рождества на Кладбище с великолепными и малоизученными фресками обнаружили при реставрации вверху алтарной апсиды огромный снаряд. Концы снаряда были видны и снаружи и внутри. Вызвали саперов. Они сказали: «Единственный способ — взорвать на месте. Иначе обеспечить безопасность нельзя». Реставраторы чрезвычайно взволновались: «Но погибнут фрески!» Как всегда в чрезвычайных случаях, тут же оказались два мальчика. Услышали, что взрывать будут утром. И вот, когда утром приехали саперы, — снаряда не обнаружили. Мальчики за ночь вытолкнули снаряд наружу. Он упал на мягкую кладбищенскую землю и, к счастью, не взорвался.

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

БИОГРАФИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ

Жизнь человека — это не отдельные события, связанные в незакономерную последовательность, а своего рода организм, «биографическое целое». Поступки и события — только звенья цепи, имеющей свою форму, свою одухотворенность и свою индивидуальность. Су-

Новгород. Рисунок Д. С. Лихачева

ществует индивидуальность как человек, и есть индивидуальность как его жизнь. Последняя зависит от первой, но обе законченные цельности. И человек должен это знать, а не жаловаться («не повезло в жизни»).

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

ДАЕТСЯ СУДЬБОЙ

Одно из самых ценных человеческих качеств — индивидуальность. Она приобретается от рождения, «дается

судьбой» и развивается искренностью: быть самим собой во всем — от выбора профессии до манеры говорить и доходки.

Искренность может быть в себе воспитана.

Публикуется впервые.

ТАЛАНТЫ РЕДКИ, ИХ НАДО БЕРЕЧЬ

Талант — это единственное в человеке, что всегда работает на своем уровне. Можно быть прилежнее или ленивее, аккуратнее или перьяшливее, работать больше или меньше, но нельзя преподавать, исследовать, писать более талантливо, чем ты способен, да нельзя и на менее низком уровне. Можно вообще не работать, но это другой вопрос. Вот почему так важно замечание В. И. Вернадского в его «Страницах автобиографии»: «Таланты редки, и их надо беречь и охранять».

Публикуется впервые.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ

Термин «мещанство» идет от Герцена, который разумел под ним коллективную посредственность, умеренность и аккуратность, ненависть к яркой индивидуальности. Подобного понятия нет в других языках. Уж очень ненавистно было всегда мещанство в России. Поэтому и утвердилось это понятие.

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

«СИЛА САМООСУЖДЕНИЯ ПРЕЖДЕ ВСЕГО — СИЛА»

Достоевский писал в заметке «Два лагеря теоретиков»: «...Народ наш с беспощадной силой выставляет

свои недостатки и перед целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать себя. Иногда он даже несправедлив к самому себе, — во имя негодующей любви к правде, к истине.

Неужели это сознание человеком болезни не есть уже залог его выздоровления, его способности оправиться от болезни?..

Сила самоосуждения прежде всего — сила; она указывает на то, что в обществе есть еще силы. В осуждении зла непременно кроется любовь к добру. Негодование на общественные язвы предполагает страстную тоску о здоровье».

Хорошо бы этими словами дополнить мои «Заметки о русском».

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

ЕСТЬ ЧТО-ТО, ДО ЧЕГО ТЫ ЕЩЕ НЕ ДОРΟΣ

Всегда помнить, что есть что-то, до чего ты еще не дорос. Быть храбрым в стремлении воспринимать чужую культуру. Быть смелым к сложной и непонятной культуре, по отношению к тому, что выше тебя по интеллектуальному уровню.

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

БЕЗДЕЛЬНИК ВСЕГДА ОЧЕНЬ ЗАНЯТ

Бездельничание вовсе не состоит в том, что человек сидит без дела, «сложена руки» в буквальном смысле. Нет, бездельник вечно занят: пустословит по телефону (иногда часами), ходит в гости, сидит у телевизора и смотрит все подряд, долго спит, придумывает себе разные дела. Вообще бездельник всегда очень занят...

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ НАРУШЕНИЯ

Смотря передачу «В мире животных», я твердо усвоил: хищники нужны для экологического равновесия. Ну а если рассматривать человеческое общество как некое экологическое целое? Зачем нужны в нем прихвостни, доносчики, склочники? Достаточно, чтобы в здоровом коллективе появилось два-три таких хищника — и всякое экологическое равновесие оказывается полностью разрушенным, сообщество просто перестает существовать. Человеческое общество в экологическом отношении отнюдь не похоже на животный мир.

Правда, в животном мире тоже бывают экологические нарушения: города переполняют вороны, а где есть вода — чайки. Они лишили города певчих птиц. Их нужно отстреливать.

А что делать со склочниками в научных учреждениях, которые тоже уничтожают «певчих птиц» — людей, способных к научной работе, — находят у них идеологические ошибки, перегибы, загибы, уклоны, методологические неправильности и пр.? Я думаю, что наши законы слишком для них демократичны, охраняют их, тогда как полагалось бы охранять здоровую часть коллектива от них. Что, например, делать с громилой В., позорившим нас за рубежом и со все нарастающей силой продолжающим разваливать учреждения, в которых его принимают на работу после изгнания (с огромным трудом) из очередного научно-исследовательского и педагогического института? Ведь он не один! Изменить порядки и привлечь к ответственности за ложные доносы.

Если в письме, обращенном таким хищником в вышестоящие организации, есть неподтвержденные данные, — немедленно привлекать к ответственности. А по телевидению открыть новую передачу «В мире людей», в которой рисовать психологию людей хороших и плохих, порядочных и лжецов, создающих хорошую атмосферу вокруг себя и разрушающих общество. Передачу по психологии поведения.

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

СОВЕСТЬ И ЧЕСТЬ

Я не люблю определений и часто не готов к ним. Но я могу указать на некоторые различия между совестью и честью.

Между совестью и честью есть одно существенное различие. Совесть — всегда исходит из глубины души, и совестью в той или иной мере душа очищается. Совесть «грызет». Совесть не бывает ложной. Она бывает приглушенной или слишком преувеличенной (крайне редко). Но представления о чести бывают совершенно ложными, и эти ложные представления наносят колоссальный ущерб обществу. Я имею в виду то, что называется «честью мундира». У нас исчезли такие несвойственные нашему обществу явления, как понятие дворянской чести, но «честь мундира» остается тяжелым грузом. Точно человек умер, а остался только мундир, с которого сняты ордена и внутри которого уже не бьется совестьливое сердце. «Честь мундира» заставляет руководителей отстаивать ложные или порочные проекты, настаивать на продолжении явно неудачных строек, бороться с охраняющими памятники обществами («наша стройка важнее») и т. д. Примеров подобного отстаивания «чести мундира» можно привести много, начиная с Академии наук СССР, настаивавшей на явно неудачных и крайне расточительных проектах (например, частичного поворота стока северных рек, строительства загрязняющих Байкал сооружений и пр.).

Честь истинная — всегда в соответствии с совестью. Честь ложная — мираж в пустыне, в нравственной пустыне человеческой (вернее чиновничьей) души.

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

НЕДЕЛЯ ДОБРЫХ ДЕЛ

«Неделя открытых добрых дел». Это тема для размышлений и для небольшого эссе. Действие происходит в неизвестное время. Может быть, в двухтысячный год. Слово «добрый» презирается, и говорят «добренький», когда хотят оскорбить. Должна существовать только «непримиримость». И вдруг указ: можно и даже нужно

делать добрые дела — индивидуально делать! Рекомендуется даже заниматься благотворительностью. Можно подавать и просить милостыню. Можно и даже рекомендовано давать и получать в долг. Можно приходить в больницы помогать больным, мыть полы. Можно, можно, можно... И вот люди открывают для себя счастье доброты. Для многих растворяется, как туман, стяжательство, страсть к наживе, к коллекционированию пустяков. Люди улыбаются друг другу, совершив доброе дело. Кто-то переводит через улицу пожилого человека. Не «кто-то», а все уступают в метро места пожилым.

Счастливые лица. Продавщицы с удовольствием продают, с удовольствием тщательно завертывают покупки.

И уже просят продлить неделю открытых добрых дел. Пишут об этом письма наверх.

Революцию добра рьяно подхватывают дети. Они больше всех и первыми заражаются добром. Добро становится для них любимой игрой. Учатся делать добро у деревенских старушек. Ищут нищих, больных, стариков, сирот, которым нужно помочь, находят несчастных. Организуют группы «следопыты добра».

Происходит примирение с миром. Вот зачем есть несчастные: чтобы дать счастье другим. Несчастные становятся счастливыми заботами других, ибо несчастный в одном может быть счастлив в другом.

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

ДОБРО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ГЛУПО

Добро не может быть глупо. Добрый поступок никогда не глуп, ибо он бескорыстен и не преследует цели выгоды и «умного результата». Назвать добрый поступок «глупым» можно только тогда, когда он явно не мог достигнуть цели или был «лжедобрым», ошибочно добрым, то есть недобрым. Повторяю, истинно добрый поступок не может быть глуп, он *вне оценок* с точки зрения ума или не ума. Тем добро и хорошо.

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

ЧЕЛОВЕК — ТВОРЕЦ

Можно ли выскочить из своей эпохи в своем мировоззрении? Конечно, нет. Всякая попытка вернуться в какое-либо столетие или перескочить далеко вперед — в будущее — невозможна. Человек живет в своей эпохе, в свои годы, и только в свои. Но это не означает, что он должен слепо следовать за эпохой, за господствующим мировоззрением. Человек обладает свободной волей и обязан выбирать, обязан создавать новое. Он — творческое существо. Если он перестает быть творческим существом и быть устремленным в будущее (свое и своей страны), он перестает быть Человеком. В жизни надо уметь парить над эпохой и в эпохе, выбирая те воздушные течения, которые идут снизу вверх, или, в какие-то моменты, скользить по воздуху, не падая.

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

ПОВЫШАТЬ УРОВЕНЬ СЧАСТЬЯ

В жизни есть какой-то уровень счастья, от которого мы ведем отсчет, как ведем отсчет высоты от уровня моря.

Так вот, задача каждого человека и в крупном и в малом повышать этот уровень счастья в жизни. И личное счастье тоже не остается вне этих забот. Но главное — счастье окружающих, тех, кто ближе к вам, тех, чей уровень счастья можно повысить просто, легко, без забот. А кроме того, это означает повышать уровень счастья своей страны и всего человечества, в конце концов.

Способы могут быть различными, но каждому что-то доступно. Если недоступно решение государственных вопросов, что всегда повышает уровень счастья, когда они мудро решаются, то хотя бы в пределах своей семьи, в пределах своего рабочего окружения, своей школы, в пределах окружения своих товарищей и знакомых можно повышать уровень счастья. Ведь у каждого есть такая возможность повышать созидательное начало в жизни.

Жизнь — прежде всего творчество, но это не значит,

что человек, чтобы жить, должен обязательно родиться художником, балериной и ученым. Можно творить просто добрую атмосферу вокруг себя, как сейчас выражаются, ауру добра вокруг себя. Ведь вот любопытная вещь: когда кто-то входит в общество, он может принести с собой атмосферу подозрительности, тягостного молчания, а может сразу внести радость и свет. Вот это и есть творчество. Оно непрерывно. Человек все время что-нибудь творит, иногда, правда, вытворяет, но это уже антитворчество.

Публикуется впервые.

БОЛЬШАЯ ПОЛОВИНА СЧАСТЬЯ ЧЕЛОВЕКА — В СЕМЬЕ

Василий Васильевич Розанов писал, что большая половина счастья человека — в семье. Вот почему выбор мужа и жены — шаг первостепенной важности для человека. Выбрать мужа — это выбрать семью, и притом на всю жизнь. Выбирать нужно не только мужа, но отца будущих детей, в какой-то мере и круг знакомств, интересов (они должны быть общие в семье).

Надо помнить, что привычки в семье имеют огромное значение, а привычки, образ жизни создаются в детстве, в семье мужа. Значит, если с детства он привык к беспорядочному образу жизни, беспорядок в будущей жизни и останется. Если был бездельником, то труд для него так и останется докучной обязанностью — не более. Дрался в детстве — будет драться и в семье, бить детей.

Выбирать надо не только мужа и отца, главу семьи, но выбирать надо и семью мужа — общение с ней прямое и косвенное будет постоянным.

Публикуется впервые.

ЗАВОЕВАННОЕ СЧАСТЬЕ

По явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.

.....
Тесним мы шведов рать за ратью:
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наши каждый шаг запечатлен.

Счастье может быть только боевое — только завоеванное нами. Вечного, постоянного счастья не бывает. Нельзя быть счастливым, когда есть страдающие. Но можно быть счастливым чем-то, что сейчас добыто, получено.

Диктор телевидения в одной из передач останавливал людей на улице и спрашивал: в чем, по-вашему, состоит счастье? В ответ миллионы людей слушали детский лепет. Что-то вроде того: «Счастье — это когда дома достаток и на службе хорошо» или «Счастье — это когда мои девочки подрастут красивыми, здоровыми и хорошо выйдут замуж». Это все мещанство. И даже когда большие люди твердили: «Это гармония между чем-то и чем-то», недалеко ушли.

Богоматерь Тихвинская

Материнство

Счастливым чем-то достигнутым можно быть только короткий промежуток времени, а после начинаются новые заботы, ибо, повторяю, нет счастья ни для кого, пока есть несчастье рядом.

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

СТАРОСТЬ НАДО АТАКОВАТЬ

Как быть в старости? Как преодолевать ее недостатки? Об этом отчасти я написал несколько строк в своей книге «Прошлое — будущему». Но есть более подробная и вполне правильная статья акад. В. Л. Гинзбурга «Когда годы берут свое» (Природа, 1986, № 10). С мыслями этой статьи я вполне согласен. Она полезна. Пусть ее прочтут. Но статья неполна. Главное и не учитываемое В. Л. Гинзбургом в его статье вот в чем: старость — это не просто угасание, успокоение, постепенный переход к покою (могу сказать — к «вечному покою»), а как раз напротив: это водоворот непредвиденных, хаотических, разрушительных сил. Это мощная стихия. Какая-то засасывающая человека воронка, от которой он должен отплыть, отойти, избавиться, с которой он должен бороться, преодолевать ее.

Не просто уменьшение памяти, а *искажение* работы памяти, не угасание творческих возможностей, а их непредвиденное, иногда хаотическое измельчение, которому не следует поддаваться. Это не снижение восприимчивости, а искажение представлений о внешнем мире, в результате чего старый человек начинает жить в каком-то особом, своем мире.

Со старостью нельзя играть в поддавки; ее надо атаковать. Надо мобилизовать в себе все интеллектуальные силы, чтобы не плыть по течению, а уметь интуитивно использовать хаотичность, чтобы двигаться по нужному направлению. Надо иметь доступную для старости цель (считая и укорачивающиеся сроки, и искажение возможностей).

Старость расставляет «волчьи ямы», которые следует избегать.

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

НЕНАДЕЖНЫЕ ЛЮДИ

Самое дурное (не «самое» но одно из *самых*) свойство человека — не заботиться о жене, не вспоминать родителей, не заботиться о детях (по-настоящему), не посещать могилы близких, оставлять беспомощных стариков, требовать только для себя. Все это с какого-то момента начинает овладевать человеком гуртом, вместе, в совокупности. И поэтому по одному из этих признаков можно определить наличие и всех остальных. Это люди во всех отношениях ненадежные.

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ СВЯТЫНЯ

«Человек человеку — волк», — любят повторять люди дурных склонностей. Но мало кто слышал другую сентенцию: «Человек человеку святыня». Сенека (кажется) утверждал, что «общество человеческое похоже на свод, где различные камни, держась друг за друга, обеспечивают прочность целого». Это удивительно верно. Один только пример: мы идем по улице и доверяем, интуитивно доверяем тысячам водителей, их опытности и элементарным нравственным устоям. Не их дипломам, уличным правилам движения и службе милиции только доверяем, а доверяем им как людям с чувством ответственности.

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

НАУКА БЕЗ МОРАЛИ ПОГИБНЕТ

— Думаю, нам не следует обожествлять Академию наук. В стране кроме нее может сосуществовать множество научных сообществ. Вообще, настоящая наука развивается не очень большими коллективами. Если в исследовательской организации работают несколько сот, а то и тысяч человек, науки там не будет. Она развивается в лабораториях, где максимум 25 человек. Вот я, напри-

мер, убежден, что у нас в Пушкинском Доме древнерусская литература успешно исследуется оттого, что занимается этим отдел, где всего 12 человек. Было бы 40, половина была бы из лентяев, а другая ориентировалась на них.

— *Это относится к гуманитарным наукам?*

— И к естественным, к техническим тоже. Может быть, соотношения там будут иные. Но — важен принцип! — и там удаление крупного ученого вверх по административной линии от непосредственного предмета исследований и от непосредственных их участников, создание многоступенчатой управленческой лестницы ни к чему хорошему не ведут. Нельзя таким путем создать коллективы единомышленников.

Наука сильна школами, борьбой разных, противоположных позиций. Но что-то я не видел, чтобы командно-административная система, «строянским конем» внедряющаяся и в науку, этому способствовала.

— *Вы говорите о монополизме так, словно он охватил уже всю науку.*

— Монополизм, к сожалению, разросся в ней повсеместно. И страшно даже не то, что он объявляет одну из точек зрения истиной в последней инстанции, добываемой однозначно, единственным путем. А то, что он утверждает бесконтрольность, безответственность, подменяет гражданский долг заглядыванием в рот институтскому или академическому начальству.

Отдельные научные положения и концепции начинают доминировать. Все, что от них хоть на йоту отличается, объявляется от лукавого. Может быть, ярлыки типа «кибернетика — продажная девка империализма» и с другими всякими «измами» впрямую нынче и не услышишь. Но суть такого подхода во многих случаях остается, пока цел в науке командно-административный и ведомственный костяк.

Существует, например, структуральная школа. И вот ее начинают всячески клеймить. И клеймить политически. А между тем это не политическая, а чисто научная школа. Не противопоставляемый марксизму метод, как кое-кто утверждает, а советская структуральная школа филологической науки. И возглавляющий ее Ю. М. Лотман — патриот, в войну не где-то в тылу отсиживался, а был на фронте боевым офицером-артиллеристом. Настоящий

патриот нашей страны, замечательно пропагандирующий по телевидению Пушкина, отечественную историю, культуру.

И еще одно порождение монополизма — вторичная наука. Ее адепты без труда пользуются выводами, добытыми трудом других, настоящих ученых. Появились люди, которые в инквизиции назывались квалификаторами: им давалось право определять, где ересь, а где нет. Такие квалификаторы узурпируют право милицейской палочкой дирижировать движением в науке. Да кто им такое дал право?! Разве не отторгнула их от себя наука вместе с Лысенко и ему подобными?!

— *Лысенко кончился, а тенденция остается?*

— Продолжается дальше. Не в таких катастрофических масштабах, как при нем. Но по-прежнему живо прямолинейное, угрюмбурчеевское стремление определить, кто прав, кто не прав и на сколько процентов.

Да, вторичность, порожденная монополизмом, губит науку. Но и — диалектика! — подпитывает сам монополизм. Ведь человек, захвативший регуляцию движения в науке, должен формально подтверждать свое право на это, все время «делать открытия». Все это вынуждает подобных людей паразитировать на творчестве настоящих ученых, выступая в качестве благодетелей-соавторов или, если те от соавторства отказываются, не давая им ходу. А то и просто «склеивать» свою концепцию из осколков двух чужих. Потом находятся не менее ловкие компиляторы, строящие на основании такой, третьей концепции «свою», четвертую. Ну и так далее.

— *Точные, рациональные знания и умения далеко не всегда напрямую связаны с представлениями о добре и зле, о порядочности и непорядочности. Не тут ли корень дефицита нравственности, о котором так много сейчас говорят в научных аудиториях?*

— Думаю, не тут. Ибо с проблемами совести, нравственных ценностей связана судьба личности в любой области ее деятельности, судьба общества, человечества. Никакие законы экономики не действуют там, где нет минимума нравственности. В среде воров, допустим. Для нормальных взаимоотношений между людьми должен быть минимум доверия их друг другу, минимум нравственности.

А вот для того чтобы развивалась наука, нужен даже

максимум нравственности. Ибо при теперешнем ее состоянии, при ее компьютерных системах даже самая «маленькая» сделка ученого с начальственным давлением против своей совести и истины, угодливое молчание и самоустранение от борьбы ради душевного комфорта, а то и просто ради тривиального материального благополучия тиражируется, разрастается потом до вселенских масштабов чернобыльской беды, гибели Арала, нашего отставания на ключевых направлениях научного и технического прогресса.

В первооснове этого всегда лежат ложные якобы результаты якобы науки, добываемые ради чего угодно — диссертации, премии, академического титула, но не ради истины. Сложилась даже определенная «философия проходимости». Чтобы подтвердить свою концепцию (а она заведомо должна хорошо согласовываться со взглядами, принятыми в данный момент высшими эшелонами и государственной, и академической власти), исследователь закладывает в основу экспериментов явно неправильные данные и, как недобросовестный школьник, подгоняет ход решений под ответ. Но это ложь! Ведь жизнь — не задачник с ответами в конце.

Наука без морали погибнет. А это потянет за собой деградацию экономики, распад социальных связей, отношений людей. Недавняя наша история сурово подтвердила истину: в XX веке невозможно средневековыми, приказными, палаческими методами, не обращаясь к совести человека, его разуму, внутренней свободе, праву личного морального выбора, осуществить самые светлые социальные идеи. Дворцы и храмы грядущего не возводятся на крови.

И не случайно наука все меньше и меньше дает честных результатов. Мы слишком часто встречаемся с фактами плагиата, подмены научных данных, подгонки аргументации, материалов, экспериментов «под ответ».

— *Итак, вы утверждаете: нравственность в науке падает. В чем причина?*

— В том, что нравственность формируется в большей мере искусством и гуманитарными науками, а у нас в АН СССР они на самом последнем месте. В президиуме АН нет ни одного филолога. В Академии наук исчезло искусствознание. Лишь в последнее время выбраны в АН два искусствоведа, и то — по разным отделениям.

Н. И. Вавилов

И. В. Курчатov

Может быть, нет достойных? Да нет же! Целый ряд ученых, не имеющих у нас даже звания членов-корреспондентов, в то же время всемирно известны: Ю. М. Лотман, М. Л. Гаспаров, В. Н. Топоров, В. В. Иванов. Сейчас мировое литературоведение следует, например, за М. М. Бахтиным, за введенными им новыми понятиями (хронотоп и другие). А для Академии все это будто на другой планете. Только в последние выборы стал членом-корреспондентом С. С. Аверинцев. Не был избран в Академию гениальный А. Ф. Лосев.

Надо ли после этого объяснять, почему у нас с искусствоведением провал и это ведет к массовому снижению уровня культуры, к непониманию искусства?! В школах о нем вообще не говорят или говорят на уровне уроков рисования и музыки в детском саду и первой гаммы. Причем даже это делают неспециалисты.

— Но ведь есть же и прекрасные школьные искусствоведческие кружки, и творческие педагоги!

— Но на 130 тысяч школ у нас всего 50 тысяч учителей музыки, в большинстве своем с начальным музыкальным образованием. После этого стоит ли удивляться, что серьезную музыку у нас слушает всего один процент населения, что симфонических оркестров в СССР в 20 раз меньше, чем в США (а ведь Россия еще недавно по праву слыла страной величайшей музыкальной культуры)? Мы, когда-то гордившиеся успехами своей системы просвеще-

ния, по образовательному уровню откатились на 25-е место в мире.

Такие плоды мы пожинаем потому, что по отношению к гуманитарным, духовным началам в науке, и не только в ней, по сей день действует всесильный «остаточный» принцип. Если отношение к гуманитарной науке, гуманитарной культуре человека будет оставаться в сегодняшнем состоянии, неизбежно падение и нравственности. Она ведь не стоит на месте, а либо подымается, либо падает. Конечно, если человек начнет читать Пушкина, это не значит, что он немедленно станет нравственным. Должно вырасти несколько новых поколений.

Вот посмотрите, житейский факт. Уходит из семьи отец, ему ребенок не нужен. Мать снова выходит замуж, и ей он ни к чему. А в результате какое огромное количество сирот в нашей жизни, сколько сизмальства деформированных судеб и душ! И это в мгновение ока не поправишь. Это дело нескольких поколений — формирование в обществе нормальной семьи, чтобы у ребенка были постоянные, а не временные родители.

То же происходит и с истиной в науке, которая никому не нужна, когда идет не поиск истины, а беспардонная дележка жизненного пирога. И это уже...

— *Духовное сиротство.*

— Да, именно! Духовность не может существовать в одиночку. Она создается или подавляется средой, в семье науки, семье ученых. Какая сложилась семья — такая в ней и нравственность. И вот сегодня мы пребываем в состоянии духовного сиротства.

При этом я имею в виду, что у нас в науке мало осталось личностей, которых и коллеги, и ученики почитали бы за духовных отцов, по которым сверяли бы свои поступки, как по этическому камертону. А ведь всегда, во все эпохи в Отечестве нашем были личности, которых современники почитали как совесть нации: Лев Толстой, Достоевский, Некрасов, Белинский. Я называл писателей. Но могу обозначить и такой же ряд ученых.

Меня в свое время удивили вавилонские «Пять материков», и я даже написал на них рецензию. В них открывается одна очень светлая грань его личности: огромный, искренний интерес к людям в любой точке планеты, к их жизни, болям, тревогам. Характеристики людей у него поразительные. Сквозь строки просвечивает его кровная

А. Ф. Лосев

П. Ф. Филонов. Автопортрет

связь с окружающим обществом, но связь не административная, не абстрактно-теоретическая, а через интерес к живым, конкретным людям. Это, между прочим, отмечают и все, кто работал рядом с ним. Я знал секретаря Н. И. Вавилова. И мне запомнилось (это было еще при его жизни) ее восхищение порядочностью, честностью, этической чистотой этого человека уже в нелегкие и для него, и для страны времена. Интерес не только к своей специальности, но и к людям, снисходительность к их странностям и слабостям, понимание человеческого в человеке, сочувствие ему — очень важная черта настоящего ученого. Николай Иванович Вавилов обладал ею в высшей степени. Беда науки не только в том, что его лично уничтожили. Уничтожили его школу, его учеников, единомышленников и — уничтожили его оппонентов, сам дух развития науки через спор, дискуссию, через столкновение разных позиций, через все то, что выводило советскую генетику на первое место в мире. Ибо Лысенко оппонентом не был. То, что он сделал, — это уже вне науки и ее дискуссий.

Да, такие ученые, как Вавилов, были не только гениями, но и совестью народа. А сейчас что происходит? Среди ведущих ученых буквально единицы, с кем люди считались бы. Но ведь это важно, чтобы человек имел репутацию. Чтобы о ком-то говорили: «Это глубоко

порядочный человек». Или наоборот: «Этому человеку я не подам руки».

Часто мы не подаем руки мерзавцам? Стараемся на всякий случай подать — «чтобы не связываться». А людям нужно не подавать руки, если они совершают подлость, в том числе и предательство истины в науке.

Да, у нас сейчас многие ученые не имеют репутации. Это первое, что предстоит восстановить из руин. И по сей день некоторые люди, числящие себя по ведомству (именно по ведомству!) науки, не стесняются выступать по одному и тому же вопросу с совершенно противоположными мнениями в зависимости от нынешней конъюнктуры. Вчера они восхваляли Брежнева, сегодня — Горбачева. Это оскорбительно по отношению к сути оздоровительных процессов в обществе. Перестройке нужны твердые убеждения, а не флюгеры.

— *Стендаль говорил: опираться можно на то, что оказывает сопротивление.*

— Верно! Сами подумайте: можно ли опереться на молодых приспособленцев, которые и в наши дни начинают с того, что носят портфель за академиком, в мечтах видя, как «племя младое, незнакомое» будет когда-нибудь носить и их портфели? Это уже генетические мутации совести, передаваемые из поколения в поколение. Это самое страшное: мы тем самым на 20, на 30 лет вперед программируем моральную бесхребетность.

Правда, в науке есть основы, противоречащие нашествию портфеленосцев. Мы часто живем нравственностью предков — наших родителей и дедов. И там, в традициях отечественных научных школ, есть на что опереться. Это еще действует. Но это не вечно, если не позаботиться о возрождении лучших традиций нашей науки.

— *Некоторые читатели сетуют: когда нынче общество сталкивается с крупными проблемами, затрагивающими интересы целых регионов или даже всей страны, Академия почему-то нередко оказывается нерешительной, робкой, беспомощной. Когда нужно было создать атомную бомбу (понятно, методами самыми жесткими), был собран необходимый интеллектуальный потенциал. А сейчас сколько неразберихи с одними водными проблемами, например. Но Академия как-то вперед не заглядывает, а все время мечется между минводхозовскими проектами, туша сиюминутные экологические пожа-*

ры. Подобных писем, надо сказать, много. Правы ли их авторы?

— Отвечу. Но сначала вопрос, который я все время как ленинградец задаю сам себе и моим коллегам. Возьмите уже многолетние дискуссии вокруг сооружений по защите нашего города от наводнений. Казалось бы, позиции «за» и «против» давно определились. Но почему ни одна сторона до сих пор не может «нокаутировать» другую неоспоримыми доводами? Потому что нет настоящей гласности. И с общественной точки зрения, и с технической даже.

На том же заливе должны стоять многочисленные посты и лаборатории, оснащенные необходимой наблюдательной техникой. Население должно, как о погоде, регулярно информироваться об экологической обстановке в Неве и в Маркизовой Луже. Ничего этого нет.

Почему Ленинград — единственный крупный город на Балтике, который пока не имеет соответствующих его уровню очистных сооружений? Почему президент АН СССР Г. И. Марчук умолчал об этом, обращаясь к проблеме дамбы на экологической сессии общего собрания Академии?

Президиум АН последнее время регулярно обсуждает пожарные, горящие экологические ситуации. Но при этом ему, на мой взгляд, не хватает твердости, стойкой моральной позиции. Как можно, не унижая достоинства Академии, вообще говорить о целесообразности канала Волга—Чограй, если при разработке проекта под него не была подведена минимальная научная основа? Не принимает же Академия для обсуждения проекты вечного двигателя! В конце концов, правда, президиум высказался против канала. Но сколько мягкотелых колебаний он при этом проявил!

Да, президиуму АН не хватает моральной твердости. Слишком уж часто он выступает то в роли «исполнителя поручений» вышестоящих инстанций, то в роли коллегии некоего научного министерства. Конечно, долг АН СССР такие поручения выполнять. Но и опережать их, не доводить дело до них в результате обострения экологической ситуации то на Байкале, то на Арале, то в Невской губе — это высшее призвание Академии. Ведь она не министерство науки, а мозговой центр, интеллектуальная сердцевина общества.

— В науке когда-то был особый климат, высокая культура научного общения — от общих собраний Академии до чаепитий в знаменитой Лузитании — дома у академика Н. Н. Лузина, о которых до нас доходят легенды, и «александровских четвергов» — музыкальных вечеров академика П. С. Александрова на мехмате МГУ, которые мне еще посчастливилось застать. Не слишком ли чиновничьей стала атмосфера научных собраний и коллективов?

— Коллективы и собрания, как и люди, бывают разными. Но в целом, пожалуй, да, утрачивается культура спора, вежливости в науке. Кроме того, сходят на нет некоторые строгие, высокоморальные традиции. Например, раньше считалось недопустимым агитировать за себя при выборах в Академию. Когда встал вопрос об избрании В. Н. Перетца в академики, он уехал в Саратов и жил там месяц, пока не прошли выборы. Чтобы и пятнышка подозрений, будто он как-то на кого-то может повлиять, не легло на его репутацию.

А сейчас? Кандидаты в академики и в члены-корреспонденты ходят и просят за себя, преподносят свои труды, а иногда даже и нечто более существенное. Требуют обещаний агитировать и голосовать за них.

Но ведь самое главное: ученый должен быть внутренне свободен в своем выборе. Он не должен быть ангажирован. Сейчас странно развилась ангажированность, то есть приверженность к определенной группе людей, к определенным научным руководителям.

Выборы в Академию — очень характерный пример. С одной стороны, она не допустила исключения А. Д. Сахарова из своих рядов. С другой — очень много проходит в нее сейчас людей недостойных. Мы часто голосуем за людей, которых не знаем.

В АН должна быть полная информация о завтрашних ее членах, об их исследовательской, гражданской, человеческой репутации. Как к ученому относятся коллеги? Есть у него научные противники, и какие позиции они отстаивают? Способен ли он оценивать приращение, прогресс в науке, выходя за границы той ее области, где работает сам?

— Кстати, об этой способности. Сейчас, при развитии информатики и ее машинной базы, возможности переключаться из одной области науки в другую резко усилились. И одновременно чувствуется в личностях мно-

гих исследователей сужение диапазона научного охвата жизни. Откуда этот парадокс?

— Дело не столько в специализации или кооперации разных научных областей, сколько во внутренней — тайной, как говорил Блок о Пушкине, но к любому творчеству это применимо — свободе, в способности не сращивать свой мозг с одной какой-либо догмой.

Трезвая самооценка любого ученого, как и любого общества, — это лучшая почва для выхода на духовные вершины, на острие мирового прогресса, на пути первопроходцев.

— *Не оттого ли, что мы стали утрачивать эту трезвость и в нашей науке, и в психологии общества начинает утрачиваться дух первооткрывательства? В послеоктябрьские годы первородство было во всем — и в поисках новых путей развития общества, и в культуре, и в науке. Возвращенные нам сегодня имена Вавилова и Булгакова, Чайнова и Филонова — имена первооткрывателей. Не теряем ли мы этот дух?*

— Теряем. Чтобы быть первооткрывателем, чтобы ощущать свое первородство в мире, нужны научная дерзость и духовная свобода. Но где и когда вы видели их на административных лестницах, где человек и не личность уже, а лишь ступенька в ряду других ступенек — выше и ниже?

— *Как быть с молодежью в науке? Ведь в конечном счете все решится ею. Уйдет сегодняшнее поколение исследователей со всеми их светлыми и темными чертами и началами. Работать в науке и руководить ею будут сегодняшние молодые. И будут работать и командовать либо по принципам Курчатова и Капицы, либо... Как обеспечить молодым ученым верный нравственный выбор?*

— Это проблема чрезвычайно большая и больная. Потому что Академия наук — не остров в океане. Она связана с нравственным климатом всей страны. И это меня больше всего беспокоит. Если люди думают, что перестройка совершится в 3—4 года, то я скажу, что они ничего не понимают в жизни.

Разрушать всегда очень легко. И вы посмотрите: несколько десятилетий командно-административная система разрушала нравственные основы общества. Должно пройти длительное время, чтобы мы их восстановили. Так что наивно надеяться, что есть какой-то волшебный

золотой ключик, при помощи которого уже в следующей человеческой генерации можно получить высоконравственное научное сообщество. Это работа нескольких поколений. А вот по каким путям здесь идти, об этом, по моему, и был весь наш разговор.

Беседу вел К. Смирнов.

Известия. 1989. 25.III.

МЫ ДОЛЖНЫ ОТВЫКНУТЬ ЛГАТЬ

— Моя депутатская деятельность направлена не только на возрождение культуры, но и на то, чтобы в нашу жизнь вернулись понятия долга, совести, веры, нравственного поведения. Буду добиваться, насколько это в моих силах, разработки комплекса законодательных актов, которые гарантировали бы свободу совести, создания строгой правовой системы в нашем государстве.

Мы должны прежде всего отвыкнуть лгать, к чему упорно и жестоко приучал нас Сталин. Ни экономическая, ни научная, ни культурная жизнь страны не может существовать без честности. Во времена сталинщины для того, чтобы выжить, требовалось извращиваться. Существовали постоянная угроза смерти, неволи и много, много мероприятий, чтобы сделать людей послушными, лишиться чувства собственного достоинства. В результате страна развратилась, стерлись общечеловеческие критерии, идеалы.

Но во все времена были удивительные примеры гражданского и человеческого мужества, благородства. Мне на всю жизнь запомнились курсанты и командиры Полтавского военного училища, которые были направлены на подавление голодного крестьянского восстания (это было, помнится, в 1931 году) и заявили, что подчиняются Советской власти, но стрелять в безоружных украинских крестьян отказываются. Готовы идти в заключение, но только все вместе... И вот однажды к нам на Соловки пришел пароход «Глеб Бокий», и из него выгрузилось это училище в полном составе. Курсанты были аккуратные, подтянутые, четко выполняли все команды своих коман-

диров; помню их в строю — с суровыми, мужественными лицами... Потом их стали разбивать на отдельные группы и разослали по всему Соловецкому архипелагу. Я пытался узнать об их дальнейшей судьбе хоть что-нибудь. Безуспешно. Но они были, я их видел собственными глазами... Мы можем поучиться у них мужеству, сознанию своей воинской чести.

— *Но, Дмитрий Сергеевич, сейчас у нас ГУЛАГа нет, можно высказывать мнения. Нынче едва ли не самое употребляемое слово «плюрализм».*

— К сожалению, законодательно плюрализм не закреплен. Право иметь убеждения не защищено. К примеру, сейчас отношение к церкви, к мечети, к синагоге определяется не законом, а различными инструкциями, многие из которых совершенно устарели. Председатель исполкома местного органа власти может вскрывать мощи в церкви, которым поклоняются верующие. Это же издевательство над верующими! К счастью, эти инструкции сейчас не выполняются. Но указ такой есть. Положение верующих и атеистов в правовом отношении должно быть одинаковым. Свобода вероисповедания заключается в совершении не только молитвы, но и других действий, которые диктуются религией. Особо хочу подчеркнуть право на проповедование веры, потому что в былые времена проповедь нередко рассматривалась как антисоветская агитация со всеми вытекающими последствиями.

Если допускать свободу атеистической пропаганды, а это необходимо, без этого просто немыслимо вообразить наше государство, то в такой же мере следует допускать и свободу пропаганды всех религий (атеисты ведь проповедуют свою веру!). Я представляю себе это так: в религиозных объединениях, в церкви, мечетях могут функционировать школы, читаться лекции, посвященные изложению вероучений. При этом следует пресекать (и в школах, и способами милицейского вмешательства) всякие действия, которые ущемляли бы интересы верующих или неверующих.

Школы с изучением различных вероучений помогают лучше вникнуть в традиционную культуру своего народа, помогают понять многие сюжеты мировой живописи и познакомиться с нравственными системами, существовавшими много веков. Поэтому не обязательно, чтобы

все посещающие вероучебные школы или лекции были верующими.

— *Свобода совести, убеждений связана прежде всего с национальными традициями. Любое учение — религиозное или атеистическое — элемент традиционной культуры, которой веками жил народ. Возрождение культуры, в том числе и религиозной, связано с разрешением национального вопроса, не так ли?*

— Согласен с вами. Хочу только подчеркнуть, что гуманитарная культура и произведения искусства играют в жизни человека особую роль и потому способствуют восприятию культур разных национальностей. Произведения искусства — это самые широкие ворота к сердцу людей любой национальности. Культурный человек не может быть шовинистом. В этом великая примиряющая роль гуманитарной культуры.

Сейчас во многих республиках принимаются законы о государственном языке. Любой язык необходимо беречь, тщательно записывать, изучать, сохранять для будущего. Разумеется, никого нельзя заставлять пользоваться только определенным языком, как нельзя запретить смешанные браки, ограничить образование.

Я буду добиваться скорейшего создания Института малочисленных народностей. Пользуясь современной видеотехникой, нужно сохранить то, что никогда и нигде больше не возникнет, — язык, фольклор, танцы, произведения ремесел, бытовой уклад. Один из общественных советов Фонда культуры занимается этой проблемой, но возможности его органичены.

Много в национальном вопросе проблем и общих, и специфических... Почему, например, чрезвычайно трудолюбивые немцы Поволжья до сих пор живут в Казахстане? Ведь Поволжье стало их родным домом еще со времен Екатерины II. Это наши немцы, народность, между прочим, никогда России не изменявшая. Или почему удивительный край коми-зырян превратили в место сплошной ссылки? Не может пройти бесследно для здешнего населения обилие уголовного элемента... Ханты-мансийская земля — просто исчезающая. Нефть мы там еще, может быть, будем иметь, но вот удивительных умельцев края — охотников, оленеводов, художников — теряем безвозвратно.

Исчезновение народа на живой карте державы практически невозполнимо. Вновь поселенные, приехавшие по найму люди за несколько лет не в состоянии освоить того, на что у их предшественников ушли тысячелетия. Освоиться — не просто привыкнуть и даже глубоко изучить край, нужно его любить, считать своим, единственным, чувствовать Родиной.

— *Почему вы отказались войти в состав парламента?*

— Я не обладаю такими возможностями, как москвичи, не могу ходить по инстанциям, добиваясь скорого разрешения вопросов, быть участником комиссий. Я бросил бы научную работу, пошел работать в Верховный Совет, но в мои 82 года тяжело жить в гостинице. К тому же я не вправе требовать, чтобы жена бросила дом и ехала вслед за мной. Для меня это уже невозможно. Но я чувствую: к моему слову прислушиваются. И потому говорю. Повторяюсь не оттого, что не могу выдумать ничего нового, занимательного, но буду твердить, как «Карфаген должен быть разрушен», что прежде всего страна должна быть выведена из состояния хамства и бескультурья. Когда это, главное, сдвинется с мертвой точки, и проблемы экономики легче решатся.

Для подъема нравственности не обязательно дожидаться подъема культуры, а нужно, чтобы люди поняли наконец, что живут не только для приобретения мебели, материальных благ. Поэтому я предлагаю, чтобы люди брали на себя обязательства жить по чести и с достоинством, может быть, даже в ущерб собственной карьере. Человек сам выбирает свой путь.

Сейчас самый большой дефицит не на колготки или стиральный порошок, а на людей. Так мне говорили руководители государства. Вот мы отказываемся от такого-то министра. Но кого назначить вместо него? Принципиальные, неподкупные профессионалы, способные полноценно управлять отраслью народного хозяйства, — редкость, потому что прежде не обращалось внимания на их воспитание. Отсутствие добросовестных людей — самый большой кризис... Я довольно много общаюсь с молодежью. Славное, умное поколение. Очень надеюсь на него.

— *Дмитрий Сергеевич, в Ленинграде на вокзале я купил седьмой номер журнала «Ленинградская панорама» за этот год и с удивлением прочитал о работе комиссии по*

ликвидации последствий пожара в Библиотеке Академии наук СССР, который случился полтора года тому назад. В статье недвусмысленно говорится о том, что виновники пожара — некие поджигатели, причем становится ясно: вдохновители деятельности злоумышленников — академик Лихачев и писатель Гранин. Редакции же «Московских новостей», «Правды», «Советской культуры», «Книжного обозрения» и другие названы в числе пособников. (Сталинские процессы 30-х годов, «дело врачей» тоже начинались с поисков вредителей.) Это похоже на попытку доказать, что есть, есть злоумышленники и никто из ответственных работников не виноват в том, что у нас теперь тонут корабли, взрываются электростанции, горят библиотеки...

— Деятельностью по спасению библиотек я затронул интересы многих людей, которые неплохо жили, занимая высокие посты. На меня стали писать доносы, обвинять в том, что выступаю против кого-то персонально. Это абсолютно не так. Я сознаю, что не в силах помешать чиновникам от культуры делать их карьеру, но категорически настаиваю, чтобы это не было за счет уничтожения и разбазаривания национальных культурных ценностей.

Библиотека Академии наук оказалась беззащитной перед пожаром, как почти все наши библиотеки. Для пожаротушения пользовались водой, а вода опаснее огня, потому что промочило нижние этажи. Меня возмутил факт, что руководитель библиотеки сразу после пожара счел возможным для себя уехать в зарубежную командировку... К тому же развернута кампания преследования сотрудников, которые не согласны молчать о положении библиотеки. Все наши библиотеки в ужасающем состоянии. Пожар за пожаром, затопление за затоплением. Книги гибнут. Если кому-нибудь экстренно необходимо помещение (например, ресторану), то закрывается библиотека. Так собираются поступить с одной из самых популярных в столице библиотек — Некрасовской, а прежде закрыли Тургеневскую... Библиотеки под вечным обстрелом бюрократов. Им они не нужны.

Если так будет продолжаться, наша страна останется без библиотек, а это уже означает гибель культуры.

Я добиваюсь того, чтобы главные научные библиотеки Москвы и Ленинграда были приведены в состояние, достойное нашей страны, чтобы им были предоставлены

удобные помещения. Государственная библиотека СССР имени Ленина должна быть выведена из того состояния, в котором она находится. Она должна стать главным консультационным научным центром правительства. Во главе библиотечного дела должен стоять Национальный комитет по делам библиотек.

К сожалению, сейчас распространена практика, по которой директорами библиотек назначают не библиотекарей, а посторонних людей, которые, по существу, не любят книгу. Просидев десять лет в библиотеке, такие директора не знают даже расположения книг.

Специалисты-библиотекари должны иметь шансы стать в результате своей деятельности директорами библиотек. Сейчас у них этих шансов фактически нет. То же самое подчас происходит с музеями. Директорами музеев становятся люди, приглашенные со стороны, дилетанты. Их «бросили» на культуру. Они не знают и не любят музейное дело, не знают принципов экспозиционной и выставочной работы... Считаю, система назначения директорами культурных учреждений людей, не имевших отношения к данной отрасли культуры, а иногда и вообще к культуре, должна быть коренным образом изменена.

Буду стремиться к улучшению условий жизни рядовых библиотекарей. Низовые работники библиотек, музеев, школ — те, кто обращен лицом к человеку, те, кто несет культуру, должны быть прежде всего почитаемы и награждаемы. Профессии библиотекарей, архивистов и рядовых музейных работников должны иметь авторитет. Библиотекарь — первое лицо в селе, в маленьком городе.

В плохом положении находятся музеи — и большие, столичные, и провинциальные. Буду добиваться, чтобы музеям предоставлялись хорошие, просторные помещения, чтобы им отпускались большие кредиты на приобретение оборудования и новых экспонатов, чтобы не распродавались художественные ценности. Буду стремиться к созданию Музея современного искусства, потому что наша страна единственная в мире не имеет такого музея. У нас нет и специального Музея XX века. Это положение для нашей будущей культуры очень опасно, потому что все ценное будет вывезено.

Ежедневно вывозятся редчайшие книги, потому что

книги вывозить разрешено, а разница в цене между антикварными книгами в нашей стране и на Западе колоссальная. Это очень выгодный бизнес — вывозить книги в портфелях.

Нужно не только добиваться того, чтобы все лучшее не вывозилось из нашей страны, но и возвращались предметы искусства, по праву нам принадлежащие.

— *Обычно в таких случаях возникают технические и финансовые трудности, часто непреодолимые.*

— И из этого положения должен быть найден выход. В тех странах, откуда нельзя вывозить наши ценности, следует создавать какие-то отделы, залы нашего национального искусства, чтобы было представление о нашем искусстве на Западе. Для этого не обязательно даже возвращать произведения искусства в нашу страну.

— *Дмитрий Сергеевич, вам довольно часто приходилось в жизни отстаивать свои принципы. Правда ли, что, когда в 1975 году в числе немногих академиков вы отказались подписать письмо против Сахарова, вас сильно избили на улице и вы попали в больницу?*

— Нет, это преувеличение. Дело было так. В тот день («Это было 21 октября 1975 года», — уточнила Зинаида Александровна) я должен был читать доклад на конференции по «Слову о полку Игореве». Всегда выхожу пораньше, чтобы не торопиться. Очевидно, некто знал о моей привычке. Только я запер дверь квартиры, из-за угла на лестничной площадке неожиданно выскочил человек в вязаной спортивной шапке с опущенным на глаза козырьком и ударил меня в солнечное сплетение. Меня очень выручило, что я был в плотном осеннем двубортном пальто. Оно смягчило удар, и я не упал. Только очень удивился: что происходит? Тогда он меня опять ударил — в сердце. Но и тут мне повезло, потому что слева на груди у меня лежали тезисы доклада по «Слову». Человек бросился вниз по лестнице. Надо было спуститься на лифте и встретить его внизу, а я стал звонить в милицию, чтобы его задержали. Ну, не успели, конечно.

Мне нужно было ехать на конференцию читать доклад, что я и сделал. Вечером вернулся домой и почувствовал, что мне не вздохнуть, у меня болит бок. Оказалось, удар сломал два ребра...

Потом позвонил академик М. Б. Храпченко и сказал, вот мы тут обсуждаем положение с Сахаровым. Прези-

диум Академии наук СССР подписывает заявление против его изменнических выступлений. У вас кончатся все ваши неприятности, если вы к нам присоединитесь. Я отказался. Михаил Борисович ответил коротко: «На нет и суда нет...»

— *Мое поколение вышло из разрушенной культуры, причем в силу скудности нашего образования мы слабо представляем даже контуры былой культуры. Нам пришлось, да и теперь еще приходится, переоценивать многие ценности, переосмысливать этические принципы. Вы же получали образование и сформировались до того, как жизнь оказалась зажатой в тиски сталинщины, и пронесли свои убеждения через многие испытания. Что вы можете нам посоветовать?*

— Прежде всего отвыкать как от привычного «образа врага», так и от привычного в еще большей степени образа «отсталости и безграмотности России». Очень долго нам внушалось, что мы — исторически отсталая страна. Между тем русские инженеры были лучшими в мире, правда, многие свои идеи они реализовали за рубежом. А русскую литературу и музыку XIX века с чем можно сравнить?

Десятилетиями искажалась и фальсифицировалась наша история. Бывший президент АН СССР Александров каждую свою ежегодную речь начинал с фразы о том, что Россия из страны отсталой с таким-то количеством неграмотных людей в наши годы стала передовой страной. Ну, мы теперь видим, какой она стала передовой...

Россия в XIX и начале XX века была высокоцивилизованной страной, иначе откуда же в ней могли появиться Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Толстой, Блок... Когда говорят о «безграмотности», то забывают, что прежде записывали в неграмотные всех старообрядцев, отказывавшихся читать книги гражданской печати.

С 1899 года в нашей стране действовали пушкинские кружки и общества. Сейчас они возрождаются, вскоре состоится учредительная конференция Всесоюзного Пушкинского общества, которое, я надеюсь, объединит всех любителей классического наследия и привнесет пушкинскую традицию в культурную жизнь сегодняшнего дня.

О Пушкине мне часто приходилось говорить с моим другом Марком Михайловичем Бариновым. До дня своей смерти он был директором московского Музея

А. С. Пушкина и был одним из тех, кто понимал высокое значение пушкинской темы в нашей культуре, что молодежь нужно воспитывать на тех нравственных идеалах, которые заложены в творчестве Пушкина (это и тема памяти, и культ дружества, и понимание гражданской роли поэта и поэзии). Я уверен, что приобщение к пушкинскому наследию действительно поможет духовному становлению современного молодого поколения. Не случайно одно из главных направлений деятельности Фонда культуры представляет программа «Пушкин в сердцах поколений».

Что я еще посоветую? Прежде всего, читать, читать и читать. При этом не только модные произведения, а классику — то, что всеми признано как самое ценное в мире. Русскую классику. Именно она позволяет человеку вместо одной жизни прожить десять и за десятерых набраться ума. Во-вторых, смотреть, посещать музеи, бывать в наших исторических городах. Я лично многим обязан одному свойству, которое воспитал в себе сам: интересоваться всем, куда бы я ни попадал. На нарах в Соловецком лагере я написал на лагерную тему свою первую научную работу, которая была напечатана. Мне тогда было 22 года...

— *Общество сейчас ощутило вкус свободы. Стараясь сберечь свое, исконное, мы пытаемся изучать языки и на этих языках читать, пытаемся ездить за рубеж (хотя это безумно дорого) — открываем для себя мир. При этом, как известно, люди, познавшие тоталитарный режим, имеют бóльшую энергию бытия, чем жившие от рождения в свободном обществе... Можно ли назвать нашу современную культуру «послеупадочной», развивающейся, молодой?*

— Пожалуй, так. Сейчас эпоха, в которую создается какая-то еще неведомая нам культура. Так было в петровское время, так было при князе Владимире Святославиче. Мы еще не знаем, какой окажется будущая культура, но уже чувствуем — большой, сложной, опирающейся на культуру старую в ее лучших проявлениях.

Беседу вел А. Михайловский